

543/8
тътнemu юбилею со дня рождения Александра
Сергѣевича Пушкина.

6. 43/8
ПУШКИНЪ
для юношества.

Цена 40 коп.

— 30 —
С.-ПЕТЕРБУРГъ
Издание Д. Д. Полубояринова.
1899.

Въ книжной складѣ Д. Д. Полуборинова (С.-Петербургъ, Шпалерная, 26) продаются слѣдующія книги для учителей, библіотекъ и для наградъ ученикамъ:

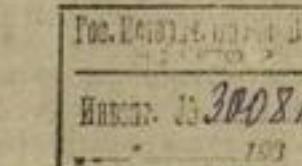
- 1) Прот. Н. ПАВЛОВЪ. Опытъ методического руководства для наставниковъ бѣлье за картины Симеоновы Исторіи. Ц. 40 к.
- 2) А. ГОЛДЕНБЕРГЪ. Методика Начальной Арифметики. Ц. 75 к.
- 3) В. КВАТШЕВСКІЙ: а) Методика Арифметики. Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и преподавателей начальныхъ классовъ среди учеба. газетъ. Ц. 1 р. 50 коп. в) Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванию начальной Арифметики въ народныхъ школахъ. Ц. 75 коп.
- 4) О. П. ЕГОРОВЪ. Ключь къ преподаванию начальной Арифметики по учебному руководству того же автора «Счетъ».
- 5) М. ВОЛЬШЕРГЪ: а) Руководство замѣтки о преподаваніи русского языка извращаясь всѣмъ троемъ выпускахъ «Русской Рѣчи». Ц. 30 к. в) Иллюстрированный толковательный словарь, фразы въ оборотахъ, которые встрѣчаются во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ сочиненія того же автора «Русская Рѣча». Ц. 1 р.
- 6) Д. ТИХОМИРОВЪ. Сборникъ правилъ и программъ для церковно-приходской школы въ школѣ грамоты. Ц. 65 к.
- 7) А. БАРАНОВЪ: а) Руководство замѣтки для учащихъ къ преподаванію родного языка во всѣхъ трехъ книгахъ «Наше Родное». Ц. 25 коп. б) Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію родного языка по «Книгѣ для чтенія». Ц. 30 к. в) Недробный планъ трапезъ въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ съ указаниемъ самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 коп. г) Краткое руководство къ преподаванію по русскому «Букварю», составленному тѣмъ же авторомъ для церк.-приход. школы. Ц. 5 коп. д) Руководство замѣтки для учащихъ къ обученію чтенію гравадавской печати по «Букварю» въ «Сборнику». Ц. 15 коп. и) Географія Россійской Имперіи, съ картами и дополнительными и справочными сбѣзданіями. Ц. 1 руб.
- 8) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) Методика начального обучения отечественному языку. Ц. 75 к.
- 9) Общая педагогика. Ц. 75 к. в) Курсъ Дидактики. Ц. 75 к. г) очерки по истории педагогики. Ц. 75 к. д) основы начального школьного воспитанія и обучения. Ц. 60 к. е) Имена и чувства, выраженные въ поэтическихъ произведенияхъ. Ц. 40 к. ж) Условия успешности обученія въ начальной школѣ. Ц. 20 к. к) Янь-Амесь Коменскій и его педагогическая идея. Ц. 20 к.
- 10) Н. БУНАКОВЪ: а) Родной языкъ, какъ предметъ обучения въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Ц. 1 р. б) Руководство къ обученію грамотѣ по книгамъ того же автора «Азбука» и «Перевікъ». Ц. 15 к. в) Руководство къ преподаванію по книгѣ для чтенія того же автора «Въ школѣ въ домѣ». Ц. 20 к. г) Школьное дѣло. Учебный материалъ, проработанный авторомъ изъ многихъ учительскихъ сбѣзданій. Ц. 1 р. 50 к. и) Русская подвижная школа, воскресные повторительные уроки. Ц. 50 коп.
- 11) П. СОЛОНИНА: а) Заниски по методикѣ Русского языка, составленные для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей и учительницъ народныхъ школъ въ трехъ выпускахъ: Первый выпускъ — Методика обучения грамотѣ. Ц. 30 коп. Второй выпускъ — Методика объяснительного чтенія. Ц. 40 коп. в) Третий выпускъ — Методика начальной грамматики. Ц. 30 к.
- 12) В. ГЕРБАЧЪ: а) Методическое руководство къ обученію письму. Ц. 40 к. в) Уроки чистописания. Учебное пособіе для учителей церковно-приходскихъ школъ. Ц. 20 коп.
- 13) В. ГЕРБАЧЪ. Руководство для учащихъ къ русской забуѣ для совѣтскаго обучения чистую, письму и рисование. Ц. 20 коп.
- 14) И. ИХОНТОВЪ. Методическое руководство къ «Сборнику письменныхъ упражнений по русскому языку» того же автора. Ц. 45 к.
- 15) П. ПОЛЕВОЙ. Методика преподаванія Русской Грамматики. Ц. 50 коп.
- 16) П. ПОЛЕВОЙ. Исторія Русской литературы въ очеркахъ и биографіяхъ, съ большими количествомъ живописныхъ рисунковъ, помещенныхъ въ текстѣ. Цена за обѣ части 5 р.
- 17) В. РУДНЕВЪ. Руководство къ преподаванію по книгѣ того же автора «Родной языокъ». Ц. 30 коп.
- 18) А. ВОРОНЕЦКІЙ. Иллюстрированная Географическая Хрестоматія, въ третью часть. Цена за вѣсѣ три части 5 руб.
- 19) В. СИПОВСКІЙ. «Родная Старина». Отечественная исторія въ рассказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цена позади поземника 6 руб.
- 20) Я. КОВАЛЬСКІЙ. Сборникъ первоначальныхъ сюжетовъ, при помощи которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. Пособіе для учителей начальныхъ школъ, а также для родителей и воспитателей. Ц. 2 р.

Причины. Издатель съ 1-го марта 1897-го года отпразднуетъ свои изданія только черезъ транспортныя и конторы, а потому, если вслѣдствіе недостатка въ наличии товара, то употребленіе издателя, нельзя будетъ отправить черезъ транспортную контору, то въ этомъ случаѣ издатель предоставляетъ себѣ полное право передать такой заказъ для исполнения по почтѣ книжному складу братьевъ С. Петербургъ; при чемъ издатель считаетъ своимъ долгомъ предупредить Гг. заказчиковъ, что упомянутыи магазинъ братьевъ Балашовыхъ на издательѣ Д. Д. Полуборинова будетъ давать Гг. многогородскимъ книгопродавцамъ и книжнымъ складамъ двадцать два процента уступки, а земскому управлению и школамъ — пятнадцать процентовъ уступки съ обыкновенныхъ на книгахъ цена; частинъ же изданій изъброръ будетъ отправляться безъ уступки, т.е. по обыкновеннымъ на книгахъ цена.

ПУШКИНЪ

для юношества.

Извлечение изъ 12-го изданія сочиненія П. В. Евстафіева
«Новая Русская Литература».

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Издание Д. Д. Полуборинова.

1899.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

1. ПУШКИНЬ (1799—1817).

Содержание. Обстоятельства его детства.—Доказанное воспитание.—Пребывание в Лиссии.—Характер поэтической деятельности Пушкина в первый период от 1814 до 1817 г. Содержание в значении образований. Воспоминания из Царскому-Сель, Мечников, Городок, Пионер, Добрый сестра, Лиссиию, отрывки из стихотворения «Сона». Отличительная черта стихотворений этого периода.

Александръ Сергеевичъ Пушкинъ родился въ 1799 году. Семейство его принадлежало къ высшему московскому кругу: по отцу, онъ происходилъ по прямой линіи отъ боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ изъ Польши, съ титуломъ низегородскаго намѣстника; а мать его была внучкой знаменитаго Петра Абрамовича Ганибала, крестника и любимица Петра Великаго. Въ превосходномъ стихотвореніи *Моя родословная* (1830 годъ) Пушкинъ съ благородной гордостью воспоминаетъ своихъ предковъ, особенно—героя Шваринскаго, генераль-лейтенанта Ивана Абрамовича Ганибала, сына Абрама Петровича. Отецъ поэта былъ, по тогдашнему, человѣкъ образованій, или, лучше сказать, образецъ моднаго въ то время типа русскаго барина. Онъ любилъ жить открыто, принимая у себя не только московскую знать, но и писателей: Державина, Карамзина, Дмитрева, Жуковскаго, Батюкова; не прочь былъ и поговорить о литературѣ, и самъ кое-что писалъ, большей частью на французскомъ языке. Воспитаніе молодого Пушкина, само собою разумѣется, было обстановлено также французами. Подъ руководствомъ ихъ будущій русскій поэтъ, конечно, не могъ знать ничего русскаго. Этотъ важный недостатокъ воспитанія исправила, хотя безосознательно, мачеха его, Арина Родионовна, та самая, о которой впослѣдствіи поэтъ такъ часто и съ любовью вспоминала въ своихъ стихотвореніяхъ, называя ее *мамушкой, подругою юности* и др. иѣжными именами. Мачеха рассказывала ему русскія сказки, быльни, пѣли пѣсни и такимъ образомъ знакомила его съ народной русской рѣчью и поэзией. Какъ всѣ способны и впечатлительны дѣти, Пушкинъ любилъ читать. Въ библиотекѣ отца его было большою записью французскихъ писателей XVIII столѣтія. Въстрѣть съ чтенiemъ у него разилась охота писать. Первые его авторскіе опыты—онъ—таки на французскомъ же языкѣ—довольно забавны. Начитавшись Мольера, онъ сочинилъ комедію подъ названіемъ *L'Escamoteur* и самъ разыгралъ ее. Сестра его изобразила публику. Шансу публика оцѣнила. Первая неудача показалась 10-ти-лѣтнему автору до того забавною, что онъ самъ же сложилъ такую антрактную:

Dis moi, pourquoi L'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Въ 1811 году мальчика опредѣлили въ только что основанный Царскосельский Лицей. Здѣсь ученіе его шло плохо, но поэтическій талантъ сталъ быстро развиваться. Лицейцы того времени жили дружною семьей; богатая библиотека Лицея постоянно была открыта для студентовъ; лицейцы Пушкинскаго времени до того пристрастились къ литературѣ, что она сдѣлалась у нихъ любимымъ занятіемъ. Въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ лицейцевъ издавалось школьніе рукописныхъ журнальчики. Въ нихъ помѣщались и первыя стихотворенія Пушкина, напримѣръ *Посланіе къ сестре*, 1814 г. Съ слѣдующаго года стихотворенія Пушкина стали появляться въ печати. Естественно, что произведенія Пушкина этого периода носить на себѣ характеръ подражательности тѣмъ русскимъ и иностраннѣмъ писателямъ, которые произвели на молодаго поэта особенно сильное вліяніе. *Воспоминаніе о Царскомъ-Селе* (1815) и содержаніемъ, и рѣчью чрезвычайно напоминаетъ Державина. Только въ началѣ стихотворенія видна простота (описаніе лунной ночи въ Царскосельскомъ саду), а дальше пѣнѣхъ 20 строфъ идутъ пышныя перечисленія подвиговъ русскихъ воиновъ въ кампанію 1812—15 гг. и—на каждомъ шагу греческія названія, имена олімпійскихъ боговъ и богинь и Державинское пареніе: *Грозы времена! Въ Парижъ Россія! Но что я зрю? Славянскій Бард! Время на арфѣ золотой! О, Скальдъ Россіи обожновенный! Звучатъ колоколы и мечи! И Зевсовы перуны, и тѣни блѣдныхъ чадъ Беллоны*, и т. д. Это стихотвореніе напоминаетъ слѣдующій случай на экзаменѣ въ Лицѣй. Пока воспитанники отвѣчали изъ литературы, старикъ Державинъ все время дремалъ; но когда Пушкинъ сталъ читать свое пышное стихотвореніе, то пѣвецъ «Фелицы» не только окинулъся, а пронзѣть неописанный восторгъ. Пушкинъ смутился, растерялся и уѣхалъ изъ зала. Лишь семь спустя Пушкинъ вспомнилъ этотъ случай (въ 8-й пѣснѣ *Онѣтина*):

И сѣть ее (т. е. музу Пушкина) улыбкой встрѣтиль;
Успѣхъ насть первый окрылиль;
Старикъ Державинъ насть замѣтиль
И, изъ гробъ сходя, благословиль.

Во многихъ стихотвореніяхъ этого же периода слышится подражаніе картинности Батюшкова и вѣжной мечтательности Жуковскаго. Таковы, напримѣръ, стихотворенія: *Мечтатель* (1815) и *Городокъ* (1815). Забавно, какъ со школьнай скамы обращается къ Музамъ 16-ти-лѣтній мечтатель:

Гоните мрачную печаль,
Плѣнайте умъ обманомъ
И мной жизни сеньгу даль.
Кажите за туманомъ!

Стихотвореніе *Городокъ* знакомитъ насть съ тѣми писателями, которыхъ Пушкинъ любилъ перечитывать. Не забыть ни одинъ замѣчательный писатель изъ древнихъ и новыхъ, иностраннѣхъ и русскихъ; въ учебныхъ тетради и записки «На самой високой полкѣ кладище обрѣши». Стихотвореніе *Пѣвецъ* (1816) не только мечтательной грустью, но и самой формой совершенно напоминаетъ *Пѣвца* Жуковскаго. Отъ вліянія тѣхъ французскихъ писателей легкаго направленія, которые преподавали людемъ не задумываться надъ жизнью, не затруднять себя

разными нравственными обязанностями, а искать въ жизни одѣхъ утехъ и развлечений, молодой поэтъ, конечно, не ускользнулъ. Такъ въ стихотвореніи *Добрый сонъ* (1817) люди мысли и труда прямо названы «лучами чермью». Добрый сонъ сводится къ тому, что авторъ предлагаетъ *жить и веселиться и жизнью играть!*—Вирочеть, къ чести таланта Пушкина, надобно сказать, что уже въ эту періодъ юности его мысль и чувство нерѣдко обращаются къ предметамъ достойнѣйшей поэзіи. Въ стихотвореніи *Лицію* (1815) онъ, подражая римскимъ сатирикамъ времена упадка, расуетъ яркую картину пороковъ древнаго Рима, негодуетъ на его продажность и безнравственность и пророчитъ ему погибель.

О Римъ, о гордый край разврата, злодѣйства!
Придетъ ужасный день, день ищены, наказанья.
Предвиду грознаго величія конецъ:
Падеть, падеть во прахъ вселенныя ильцы.

Въ стихотвореніи *Сонъ* (1816) уже обнаруживается своеобразность поэзіи Пушкина. Содержаніе взято изъ действительности; въ той рѣчи все просто, естественно: нѣть ни напыщенности, ни искусственныхъ восторговъ, ни напускной философіи. Стихъ плавенъ и мягокъ. Вотъ, напримѣръ, тотъ отрывокъ, гдѣ самъ авторъ высказываетъ, какъ многимъ оғь обезанъ быть своей наизъ и какъ ему отрадно вспоминать ее:

Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чешкѣ, изъ стариннъ одѣянъ,
Она, духонъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестить меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ стать
О мертвихъ, о подвигахъ Боянъ.
Отъ ужаса не шлохнуясь, быкало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
Подъ образомъ простой почникъ изъ глины
Чуть освѣщаю глубокія морщины.
Драгой антикъ, пррабушкинъ ченецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало,—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылаты мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порыѣ сладкихъ думъ;
Въ глухи лѣсной, средь Муромскихъ пустыней
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Лицейскимъ стихотвореніямъ. Пушкина принадлежитъ одна существенная черта, которой характеризуется весь этот, лицейский, періодъ его творчества. Эта черта: необыкновенное разнообразіе какъ поэтическихъ мотивовъ, такъ и поэтическихъ формъ. Въ составъ стихотвореній этого періода есть и торжественные оды (напримѣръ, *На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году*), и серьезная сатира, и аллегіи, и мадrigалы, и шаловливые стансы, и т. д. Относительно же стиха, который видоизмѣняется отъ игриваго двустопнаго ямба до полночьснаго шестистопнаго, и изъ немъ слышатся вѣянія и Державина, и Жуковскаго, и изъ особенности Батюшкова.

2. ПУШКИНЪ (1817—1820).

Содержаніе: Гражданская служба.—Участіе въ обществѣ «Арзамасъ».—Сѣтскія развлеченья первыхъ разочарованій, потребность серьезнаго труда.—«Уединеніе».—*Русланъ и Людмила*.—Содержаніе этой поэмы, недостатки и причины ея необыкновенного успѣха въ обществѣ.

Въ 1816 г. Пушкинъ окончилъ курсъ изъ Лицѣя и опредѣлился на службу въ коллегію иностраннаго дѣлъ. Служба, впрочемъ, не привлекла его. Въ это время имя Пушкина уже очень было известно въ литературѣ. Лучшія изъ нашихъ писателей дивились его необычайному таланту. Еще въ Лицѣи Жуковскій часто отдавалъ на судъ юноши свои стихотворенія: онъ довѣрилъ необыкновенно-развитому чутью Пушкина болѣе, нежели самому себѣ. Сѣтская жизнь съ ея наружнымъ блескомъ и развлеченьями увлекла 18-ти-лѣтнаго юношу. Къ этому времени относится множество мелкихъ, блестящихъ, игривыхъ стихотвореній, все на одну и ту же беззаботную тему, а именно: *оаваніе съ жизнью*! Впрочемъ, не все же Пушкинъ тѣшился: его участіе въ обществѣ Арзамасъ показываетъ, что его занимали не одни «ширы» и развлеченья. Литературное общество «Арзамасъ» существовало всего три года (1815—1818); но даровитые члены его принесли много пользы умственному развитию русскаго общества. Въ средѣ *арзамасцевъ* выработался правильный взглядъ на критику и на общественное значеніе литературы. Одинъ изъ самыхъ образованныхъ арзамасцевъ, именно графъ Уваровъ, следующимъ образомъ посвѣдѣстіи охарактеризовалъ направление и значеніе дѣятельности этого литературнаго кружка: «направление этого общества, или, лучше сказать, этихъ пріятельскихъ бѣздѣй, было преимущественно *критическое*. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведений, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностраннагой литературы, изысканіемъ начать, служащихъ основаниемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и проч. Въ то время и подъ вѣяніемъ *Арзамаса* писались стихи Жуковскаго, Батюшкова, А. Пушкина; и это влияніе отразилось, можетъ быть, и изъ иныхъ странницахъ *Исторіи Барамзина*. При всей серьезности занятій этого кружка, отношенія членовъ его были просто пріятельскія: между членами его не было ни тѣни какихъ-либо формальныx или чиновныхъ отношеній. Всякій членъ назывался одинаково: «Его превосходительство геній Арзамаса!» Всакому новому члену при поступлении его въ общество давали имя изъ балладъ Жуковскаго. Имя выбиралось по какому-

нибудь сходству, а иногда наоборотъ—по отсутствію всякаго сходства. Самъ Жуковскій въесь въ Арзамасъ имъ *Сольманъ*, Батюшковъ—*Азилла*, А. С. Пушкинъ—*Сиречка*, графъ Уваровъ—*Старушки*, князь П. А. Вяземскій—*Асмодей*, и т. д. Засѣданія и занятія общества отличались совершенной непринужденностью и веселостью. Протоколы засѣданія писалъ Жуковскій гекзаметрами. Тонъ ихъ былъ иногда торжественный, а иногда шутливый. Пушкинъ вынесъ изъ *Арзамаса* серьезный взглядъ на поэзію и на ея отношеніе къ действительной жизни. Этотъ взглядъ просматривается въ его стихотвореніи *Уединеніе*, написанномъ въ 1819 году. Изъ этого же стихотворенія видно, что его безцѣльная, хотя и блестящая, сѣтская жизнь не только не удовлетворяла поэта, но свою пустотой навела на него скучу. Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ вовсе не тогъ, какимъ онъ былъ 2 года назадъ. Онъ привѣтствуетъ деревню, какъ пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенія; съ любовью рисуетъ картину сельского довольства; свое же собственное душевное настроеніе выражаетъ такъ:

Я зѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой зажигъ, боготворить,
Роптанью не винить толпы непросѣченной,
Участемъ отбѣгать застѣничной
Мольбы,
И не занідовать судьбы

Злѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулъ вѣковъ, здесь вопросомъ
насъ!

Въ удивленіи величавомъ
Слышите нашъ отрадный гласъ,
Онъ гонитъ лѣни сонъ упрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мѣ,
И вами творческія дуны
Въ душевной зрѣть глубоки.

А дальше изъ размышленія о крайней необразованности сельского сословія видно, что молодой поэтъ ужъ не *погасъ съ жизнью*, а глубоко глядѣвается въ нее и вдумывается въ ея несовершенства. Конецъ стихотворенія представляетъ выраженіе высоко-нравственного чувства, вызваннаго изъ души поэта наблюдениемъ жизни сельского сословія:

Увижу-ль я, «друзья, народъ неутнетенный
И рабство поднесе по маню Цара,
И надъ отечествомъ, свободы просыщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!...

Прозорливый юноша-поэтъ какъ будто предчувствовалъ то великое патріотическое событие, которое 40 лѣтъ спустя, т. е. изъ минувшего царствованія и имѣнія «по маню Цара», озарило сѣтскомъ наше отечество и осуществило великия идеи, которыя одушевили лучшихъ людей уже подстолтія назадъ *).

* Есть известіе, что Императоръ Александръ I, когда это стихотвореніе было представлено ему ии Васильчиковскому, сказалъ кнзю: «Faites, tenez-toi Peau d'âne des bons sentiments que ses vers inspirent (привлеките благородство Пушкина за добрыя чувства, которыхъ вспыхиваютъ его стихами)».—Левъ Поливановъ. *Сочиненія А. С. Пушкина* съ объясненіемъ ихъ въ сводѣ отрывковъ критики. Издание для сенса и школы. Москва, 1887. Т. I, стр. 71.

Къ этому периоду относится и первая поэма Пушкина: *Русланъ и Людмила* (1817—1820). Содержаніе ея въ немногихъ словахъ слѣдующее: Владимиръ-Красное-Солнышко выдастъ дочь свою, Людмилу, за витязя Руслана. Семейная радость и брачное торжество разстроены самимъ неожиданнымъ образомъ: волшебникъ Черноморъ похищаетъ Людмилу. По просьбѣ князя, витязи русскіе скачутъ во все коны искать Людмилу. Послѣ многихъ приключений

Императоръ Александръ II.

и благодаря помощи добродѣтельного волшебника — Фина, Русланъ побѣждаетъ Черномора, возвращающаго Людмилу, — и сказка оканчивается веселымъ пиромъ въ гридинѣ Великаго князя. — Поэму эту Пушкинъ началъ еще въ Лицѣ. Первые отрывки ея произвели восторгъ на вечерахъ у Жуковскаго. Когда явилась въ печати вся поэма, критики старой, риторической школы совершенно растерялись. «Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, возни-

кающій посреди океана россійской словесности» — такъ числь одинъ изъ критиковъ — «просыпавшимъ людемъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревицу!» Такъ досталось Пушкину за то, что онъ занялъ романтическую завязку изъ русской народной старины. Затѣмъ пошли всякия нападки, и на планъ, и на языкъ, и на тонъ, однимъ словомъ — на все, что противорѣчіло еще не откнутымъ правиламъ ложно-классической теоріи. Главнымъ образомъ, поэмы ставили въ вину слѣдующіе три недостатка:

1) Хотя название поэмы чисто-русское, но сказочному началу, взятыму изъ родной старины, въ поэмѣ отведено места столько же, сколько и вымысламъ, взятымъ изъ сказки итальянской и восточной.

2) Въ поэмѣ нѣть никакой опредѣленной идеи, поэтому и чтеніе ея не возбуждаетъ никакой серьезной мысли; характеры, даже главныхъ дѣйствующихъ лицъ, едва очерчены, обозначены самыми неопределѣленными, общими чертами: Владимиръ радушенъ, Ратмиръ изыѣженъ, Фарлафъ трусливъ, Рогдай воинственный и т. д. Одна Людмила обрисована совсѣмъ ясно; но и въ неї главнымъ образомъ видишь только прятную шаловливость и пѣкоторыя черты женской грации.

Наконецъ 3) какъ разсказъ, поэма отличается порядочной путаницей: дѣйствіе безпрестанно, и совершение неожиданно, переносится изъ одного мѣста въ другое; волшебники, волшебницы и герои дѣйствуютъ безъ связи, случайно, словно безъ цѣли.

Недостатки эти въ поэмы дѣйствительны есть, однакоже, не смотря на нихъ, поэма вполнѣ заслужила необыкновенный свой успѣхъ. Въ этомъ прелестномъ произведеніи все ново и оригинально: и содержаніе, и тонъ, и языкъ. Содержаніе романтическое; но романтизмъ здѣсь не тотъ, подражательный, съ которымъ русская литература въ то время была очень знакома, благодаря переводамъ Жуковскаго, а напротивъ — совершенно особенный, свой, родной. Пушкинъ умѣлъ найти романтическую завязку въ народной русской поэзіи. То, что онъ оттуда взялъ для своей поэмы, придало всему произведенію духъ национальный, не смотря на то, что съ материаломъ русскихъ народныхъ былинъ и сказокъ въ поэмѣ переплелись разнообразные элементы восточной сказки. Молодая роскошная фантазія поэта создала такое множество блестящихъ, очаровательныхъ картинъ и образовъ, что читателю и въ мысль не приходить доискаться въ нихъ связи и послѣдовательности. О самомъ стихѣ — вольномъ, игривомъ, изящномъ, музыкальномъ — и говорить нечего. Онъ и теперь читается съ наслажденіемъ. Понятно, что въ то время онъ привѣтъ въ восторгъ Батюшковыхъ, Жуковскихъ, Крыловыхъ и покончилъ съ послѣдними остатками ложно-классической высокопарности, приторной сентиментальности и туманной мечтательности.

3. ПУШКИНЪ (1820—1825).

Содержание: Удаление Пушкина из столицы.—Дальнейшее развитие его подъ взаимействием сознания природы южной России и изучений Байброка и других писателей, иностранных и русских.—Усиление литературной деятельности по сказкам Михалковской. Содержание и значение стихотворений: *Родьство облаков летучима града, Желанье, Посланіе к другу, Песнь о Вльгемъ Олегѣ, Наполеонъ, Бѣ морю, Рановоро кинопроводна съ поэтомъ.*

Въ самый годъ издания «Руслана и Людмилы», т. е. въ 1820, за слишкомъ рѣзкія, сатирическія мысли о разныхъ общественныхъ неустройствахъ русской жизни, Пушкинъ, по распоряженію правительства, былъ высланъ изъ столицы. Ему назначено было отправиться въ Екатеринославль и состоять при канцеляріи главнаго начальника колонистовъ южнаго края, генерала Илизова. Въ Екатеринославль онъ забѣгаѣтъ. Благодаря этой болѣзни, онъ получаетъ поиспаніе отпразднѣться съ семействомъ генерала Раевскаго на кавказскія минеральные воды. Такъ онъ попадаетъ на Кавказъ, а оттуда, вмѣстѣ съ Раевскимъ же, въ Крымъ. Въ концѣ 1820 года канцелярия Илизова переведена въ Кишиневъ, куда и явился Пушкинъ.

Изгнаніе изъ Петербурга, путешествіе по Кавказу, Крыму и Бессарабіи имѣли во многихъ отношеніяхъ самое благотворное влияніе на дальнѣйшее развитіе Пушкина. Новая природа, новые люди, новая жизнь дали здоровую пищу фантазіи поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставили его серьезнѣе и строже смотрѣться въ свою прежнюю жизнь. Впечатлѣнія прекрасной природы южной Россіи и мирной жизни Крымскихъ татаръ отразились у него во множествѣ изящныхъ стихотвореній. Изъ нихъ особенно хороши: *Родьство облаковъ летучима града* (1820) и *Желаніе* (1820). Въ *Посланіи къ другу своему* (1821) Пушкинъ серьезно разбираетъ свою собственную жизнь; многимъ, недавнимъ увлечѣніямъ проясняетъ строгій приговоръ и становится себѣ: новая, благороднѣя задача жизни. Вотъ это чѣсто стихотвореніе:

Врагу стѣнительныхъ условій и скопъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ широтъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую привыкъ хладъ объемлетъ.
Оставилъ шумный кругъ безумцій молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ, я не жалѣзъ, о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предъѣзъ прокламію забвенія,
И—сѣти разорвать, гдѣ бѣзъ я къ плену—
Для сердца новую ишуашу чинину.
Въ удивленіи мой своеизбранный гений
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
Хладью днемъ моимъ, съ порадованіемъ друженья умъ;
Учусь удерживать вниманіе долгихъ думъ:
Ищу вознаградить, дѣя объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просыпаніи стать съ вѣкомъ параной.

Изъ Кишинева, гдѣ служба, конечно, не очень обременяла Пушкина, онъѣздилъ въ Киевъ. Подъ впечатлѣніями Киева написана превосходная *Песнь о Вльгемъ Олегѣ* (1822), гдѣ такъ художественно рисуется дружинный періодъ русской старины.

Содержаніе баллады *Песнь о Вльгемъ Олегѣ* взято изъ лѣтописи Нестора. Пушкинъ не измѣнилъ лѣтописныхъ фактъ, только, вместо сухаго, слагатаго перечня ихъ, дать живой разсказъ какъ о самомъ Олегѣ, такъ и о томъ времени, когда Олегъ жилъ и дѣйствовалъ. Знаніе русской старины, при помощи творческой фантазіи, развило безжизненные факты лѣтописного сказанія въ полную занимательную картину. Разстояніе исчезло, данно минувшее какъ будто сдѣлялось настоящимъ, читатель безъ труда входитъ въ интересы дѣйствующихъ въ балладѣ лицъ. Самъ Олегъ раскрываетъ передъ читателемъ съ разныхъ сторонъ. Какъ человѣкъ своего времени, онъ при всемъ тѣмъ не спободенъ отъ языческихъ предразсудковъ. Хотя странное предсказаніе кудесника вызываетъ усмѣшку князя, но эта усмѣшка тутъ же смѣется тяжелою думой. Слѣдующая за тѣмъ разлука съ конемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что князь совершенно подчиняется авторитету кудесника. Этотъ же самый Олегъ, какъ государь, изображенъ вѣрою Исторіи: онъ дальнѣнѣнь, отваженъ, полонъ достоинства. Свои силы и свою мудрость онъ посвящаетъ безопасностіи и благосостоянію своей страны. Это—главныя цѣли его жизни. Онъ ищетъ служить строго и честно. Его не смущаютъ мысли, что враги-сосѣди рады бы его гибели. Какъ воинъ-дружинникъ, Олегъ всегда вмѣстѣ съ дружиною—и въ походѣ, и на пиру; у нихъ общіе труды, общія радости. Конь Олега—тоже его товарищъ, вѣрный слуга. Ему такія же сердечныя ласки, какъ и товарищамъ-воинамъ. — Есть въ балладѣ еще одно занимательное лицо, именно кудесникъ. Его характеръ раскрывается отчасти въ словахъ автора:

Изъ темнаго лѣсу, наизг҃рѣчу ему,
Идеть вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Занѣтый грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведший весь вѣкъ,

отчасти же—въ разговорѣ кудесника съ княземъ. На серьезно-почитательное обращеніе Олега кудесникъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ, что ему чуждо чувство страха, какъ чужды корысть и льстивыя слова. Онъ служить богамъ—больше никому. Его голосъ «съ волей небесною друженья». Такимъ образомъ, характеръ кудесника обрисованъ чертами смѣлыми, выразительными и искромъ духу того времени, которому лицо принадлежитъ. Наконецъ, во всемъ разсказѣ чувствуется тѣль самыи духъ, которымъ проинската Нестора въ разсказѣ о смерти Олега: «Се же диво есть, яко отъ воихвостія сбываются чародѣйствомъ». Отъ предсказанія кудесника, и до послѣдней поминальной тризны чувствуется участіе таинственной, грозной судьбы, которая—по тогдашнему вѣроканю—вѣнчалась въ дѣла человѣческія, и отъ ея рокового вѣшательства невозможно было уклониться. Весь разсказъ Пушкина представляетъ три главнѣйшія момента. Поэтому баллада и раздѣлена на три

части: въ первой—сборы Олега въ походъ, объясненіе цѣли похода, разговоръ съ кундесникомъ, ищетайтие предсказанья въ прощанье съ конемъ. Во второй, лѣтъ пять спустя, Олегъ весело играетъ съ боевыми товарищами, вспоминаетъ съ ними минувшія битвы; при извѣстіи, что его преліпій конь уже не существуетъ, Олегъ надѣется надѣлъ «живымъ» кундесникомъ, отправляется посмотретьъ кости своего ратнаго товарища и здесь погибаетъ жертвой своей судьбы. Въ третьей части—картина трины плачевной Олега.

Не одна русская старина, но и великая событія европейской жизни также занимали Пушкина. Такъ, въ одѣ *Наполеона* (1821) Пушкинъ произнесъ строгій, но пріяній приговоръ непокорному властолюбію знаменитаго завоевателя. Эта художественная ода построена въ такомъ планѣ, что она естественно раздѣляется на три части. Въ первой части—для начальныхъ строфы—заключается обращеніе поэта къ предмету оды, т.-е. къ Наполеону, произносится общая его характеристика: *великий человѣкъ, могучій баловень небыть, изнанникъ вселенной и затѣмъ выражается впечатлѣніе «великолѣпной магіи» Наполеона посреди океана. Во второй части—иска средина оды—отъ словъ: «Дашо-ль орлы твои летали надъ обезславленной землей» и до словъ: «И до послѣдней есть обиды отиличены тебѣ, тиранъ!» заключается сквозное, сильное обозрѣніе царствованія Наполеона, преимущественно его военныхъ дѣлъ. Тутъ обозначаются только самыя значительныя событія Наполеонова времени: быстрое возвышеніе его, желѣзное правленіе Франціей, неутомимое, страстное самовластіе, блестательныя побѣды, угнетеніе всей Европы, надменная мечта поработить Россію, несчастный результатъ нашествія на Россію, восстаніе Европы и месть Наполеону, т. е. его заточеніе. Въ третьей части—четыре послѣднія строфы—поэтъ съ благороднымъ состраданіемъ обращается къ «разыгравшій тѣни» великаго человѣка, выставляетъ на видъ страшную тоску изгнанья, заточенія, униженья, разлуки съ милостью сыномъ и проводить ту мысль, что великими страданіями Наполеонъ искушилъ свои великия смѣжанья и зло воинственныхъ чудеса. Въ порывѣ возвышенно-христіанскаго и въ то же время патріотического чувства, Пушкинъ заканчиваетъ свою оду слѣдующими словами:*

Да будетъ омраченъ позоромъ.
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить укоромъ
Его разыгравшую тѣни!
Хвала!.. Отъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ.
И миру пачинную свободу
Изъ мрака ссылки занѣщалъ.

Въ послѣднихъ четырехъ стихахъ Пушкинъ высказываетъ уѣжденіе свое изъ той, что по неизѣбѣдимымъ путямъ Божественнаго Промысла—нашествіе Наполеона на Россію замѣсто уничтоженія ея послужило ей же на славу, сдѣлавъ Россію спасительницей Европы. Кромѣ того, изъ размышеній обо всемъ, что совершилось въ наполеоновское время, поэтъ дѣлаетъ такой философиче-

скій выводъ, что наполеоновскій деспотизмъ послужилъ урокомъ человѣчеству; что послѣ страшнаго паденія этого геніальнаго завоевателя,— и въ Европѣ, и во всемъ мірѣ сдѣлались невозможными повторенія подобныхъ угнетателей народной свободы.

Во все время пребыванія своего на югѣ (1820—1824) Пушкинъ увлекался чтеніемъ Байрона. Вѣроятно, мрачное настроеніе поэзіи Байрона находило себѣ живой и сильный отголосокъ въ мрачно-настроенной душѣ изгнанника Пушкина, недовольного самимъ собою. Ему были по душе байроновские, исключительные, горделивые герои. Въ его поэмахъ, написанныхъ въ этотъ періодъ времени, а именно: *Каоказскомъ пленнику* (1821) и *Бахчисарайскомъ фантомѣ* (1822), Пушкинъ хотѣлъ выразить дѣлъ существенные черты байронизма,—съ одной стороны, мрачное разочарованіе изъ людяхъ, испорченныхъ европейской жизнью; а съ другой стороны очаровательныя картины роскошной южной природы и привлекательныя образы людей простыхъ и энергическихъ, которые выросли изъ почвъ природы, взяты отъ городскихъ пороковъ. Байронъ долго занималъ Пушкина. Влияние великаго англійскаго поэта замѣчается даже и въ созданіи первыхъ трехъ главъ романа *Елений Онукъ*.

Первыми три главы *Еления Онука* окончены уже изъ Одессы, куда Пушкинъ переведенъ на службу изъ Бессарабіи (1823). Въ слѣдующемъ году поѣхать совсѣмъ уволенъ отъ службы и ему позволено поселиться въ селѣ Михайловскомъ (Псковской губ., имѣніе его матери). Прощаясь съ югомъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе *Къ морю* (1823). Въ этой прелестной алегіи художественно соединились два начала изъ поэтическаго изображенія предмета, такъ называемыя: объективность и субъективность. Первымъ, какъ известно, характеризуется изъ извѣстій изображеніе предмета такимъ, каковъ онъ есть дѣйствительно, по своей природѣ; послѣднімъ же называються, т. е. субъективнымъ, характеризуется изображеніе предмета такимъ, какимъ онъ является подъ вѣяніемъ впечатлѣній, мыслей и настроений самого автора. Въ алегіи *Къ морю* Пушкинъ умѣлъ нарисовать блестящую картину Чернаго моря и притомъ такими чертами, какія дѣйствительно принадлежатъ природѣ этого моря. Впрочемъ, некоторые черты такого свойства, что они принадлежатъ вообще природѣ всякаго южнаго моря. Ирѣ всего выставлены тѣ свойства предмета (объекта), которыхъ производили наибольшее впечатлѣніе на поэта: волны голубыя, глухіе звуки (т. е. гулъ прибоя), то тишина зеркальныхъ водъ, то подвѣжность и бурливость, и блескъ, и тѣнь, береговые скалы и глубокіе заливы. Подвѣжность водной стихіи напрашивается на олицетвореніе ея въ видѣ существа, какъ бы имѣющаго своеобразный, своеобразный характеръ.

Смиренный парусъ рыбарей,
Твою прихотью хранимы,
Скользить отважно средь зѣбей,
Но ты изыграль, неодолимый,—
И сталъ тонеть корабль!

При этомъ олицетвореніи мы все-таки не теряемъ изъ виду изображенія дѣйствительнаго моря, со всѣми его физическими качествами. Это не то, что изъ

алегіи Жуковского, гдѣ море «дышит», гдѣ оно «наполнено смятенною любовью, тревожною думой». Тѣ строфы въ алегіи Пушкина, въ которыхъ спи-
сыается самое море, очень дружно чередуются съ другими строфами, изъ ко-
торыхъ авторъ отъ объекта переходитъ къ самому себѣ (къ субъекту) и дышится
съ читателемъ своими мыслями и чувствами, возбужденными въ немъ выч-
атыніями моря. Эта субъективная часть стихотворенія также полна поэтичес-
кой правды и занимательности. Порывъ къ морскому путешествію есте-
ственно — при помощи воображенія — переносить Пушкина изъ Чернаго моря въ
Средиземное, а оттуда — въ океанъ. И на просторѣ океана поэту представляется
крошечный скалистый островокъ, тогъ самыи, къ которому не разъ уносился
онъ думами. Это — могила великаго Наполеона. Настроение собственной своей
души, по отношенію къ этому предмету, Пушкинъ выражаетъ въ словахъ:

Тамъ погружались къ хладный сонъ,
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ Наполеонъ,
Тамъ онъ почилъ среди мученій.

Характеръ грознаго, не знающаго зависимости, мора, имѣть съ воспоминаніемъ
о Наполеонѣ, вызываютъ въ душѣ поэта другой, разносильный образъ, именно —
великаго англійскаго поэта, Байрона. Его Пушкинъ называетъ «властителемъ
нашихъ думъ», «гениемъ, пышущемъ моря и свободы» и дорисовываетъ его ха-
рактеръ такимъ образомъ, что переносить на него пѣвьтрыя свойства моря.

Твой образъ быть на немъ означать,
Онъ духомъ созданъ быть твоимъ:
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Алегія, по обыкновенію Пушкина, кончается выраженіемъ скитающихъ мыслей и
отрадныхъ чувствъ при воспоминаніи объ испытанныхъ наслажденіяхъ красо-
тою юга вообще и красотою моря въ особенности.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчальны
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои залины,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Въ Михайловскомъ характеръ занятій и поэзіи Пушкина измѣняется, полу-
чаетъ другое направленіе. Пушкина болѣе и болѣе занимаютъ явленія жизни
русской, народной. Онъ, впрочемъ, усердно читаетъ Шекспира, Тацита *),

* Вильямъ Шекспиръ (William Shakespeare, 1564—1616), величайшій изъ
англійскихъ писателей, бессмертный родоначальникъ художественной европейской драмы.
Его литературная деятельность относится къ золотому столу царствованія Елизаветы и

Карамзина, Нестора, двѣмъ много пишеть и собираетъ памятники народ-
ной словесности, по вечерамъ же Арина Родіоновна разсказываетъ ему
сказки. Какое значеніе придаетъ Пушкинъ этимъ безъискусственнымъ раз-
сказамъ своей пани, видно изъ письма самого поэта къ брату: «ве-
черомъ слушаю сказки и тѣмъ вознаграждаю недостатки проклятаго (т. е.
французскаго) своего воспитанія. Что за прелестъ эти сказки! Каждая есть
поэма». — Въ Михайловскомъ написаны IV, V и VI главы *Онѣнина*, отдѣлана

и царствованію Іакова I. Первые годы своего поэтическаго позиціи Шекспиръ былъ
далекъ отъ того пути, на которомъ онъ впослѣдствіи сдѣлалъ не только национальныи
англійскіи драматическіи поэты, но имѣть съ тѣмъ и всемирно-известныи писа-
телеи. До восъмидесятыхъ годовъ Шекспиръ подражалъ тому учено-предваровому стилю,
который въ то время господствовалъ при дворѣ Елизаветы. Въ возвышенныхъ произведені-
іяхъ Шекспира гораздо больше юмора и риторики, нежели дѣйствительной жизни и
позы. Затѣмъ, различные впечатлѣнія быткъ и подъчѣрь бурной юности Шекспира
отразились во множествѣ остроумныхъ, задушевныхъ, граничныхъ советовъ. (Его сонеты,
Sonets, числомъ 154, въсіи напечатаны въ первомъ разѣ въ 1609 году.) Но всѣ сла въ
прелестъ Шекспира заключается въ его драматическихъ произведеніяхъ. О драмахъ Шек-
спира столько во всѣхъ литературахъ написано, что характеристика его, какъ поэта-драма-
турса, можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ. Природѣ надѣлала его всевозмож-
ными способами, наилучшими дарами, наѣзъ бывающихъ тѣльцемъ только отборѣній изъ
постовъ. Она дала ему неожиданное ботатство творческой фантазіи, глубокое и яркое
чувство, проницательный взглядъ, отъ которого не скрываются самые тайныи мысли человѣ-
ческаго сердца, слухъ, которому однажды послышались и первые голоса весны, и страш-
ные раскаты грозной исторической борбы; благороднѣю человѣчность, неистощимое
остроуміе, такую ironю; съѣздъ многообразіемъ ума, сотрѣтъ любовь къ землѣ,
проявленіемъ тю чисто мудрости, которая соразмеряется у гемальныхъ насателей изъ-
боръ за драгоценѣѣ идеалъ человѣчества. Въ концѣ трагедіи *Юлій Цезарь* Антоній
въ надгробномъ словѣ Брутту, говоритъ:

— The elements
So mix'd is him, that Nature might stand up
And say to all the world: This was a man!
— Стихи въ поэзіи слышались такъ, что
Можно бы природѣ, вставъ, сказать
Предъ нами юромъ: «Это человѣкъ».

Вотъ этикіи словами удобнѣе всего характеризуется самъ Шекспиръ. Какъ поэтъ
и драматургъ, онъ смотрѣтъ на міръ совершенно объективно, безъ на нихъ бы то ни было
предвѣтій мысль и теорій. Онъ читаетъ въ душѣ людей, а потому и раскрываетъ передъ
зрителемъ душу своихъ героевъ. Отсюда-то именно и происходитъ та обаятельная праѣда,
которою дышутъ его драмы и благодаря которой вся тамъ лирика занимательна и художе-
ственна вѣрно выражеными отъ начала до конца. Любить ли она или ненавидѣть, любы-
жадать или возбуждать, гордиться или смиришьтъ, смеяться или плакать, все равно: зрителъ
признаетъ въ немъ постоянно, потому что видѣть въ нихъ живыхъ людей; умѣетъ или
продутадыметъ въ нихъ самаго себя. Предъ зрителемъ раскрывается, моментъ за момен-
томъ, любопытнейшее изъ міръ яркихъ, имене — все то, что таится, зреетъ, нарастаетъ
изъ глубинъ человѣческой души и оттуда порывается на радость или горе людемъ. Какъ
Шекспиръ понижалъ задачу драматического искусства, это выражается въ томъ мѣстѣ тра-
гедіи *Гамлетъ* фактъ III, сцена 2г, где царицѣ даетъ инструкцію актерамъ и объясняетъ
истинное значеніе драмы: «Whose end, both at the first, and now, was and is—to hold, as
it were, the mirror up to nature; to show virtue her own feature; scorn—her own shame,
and the very age and body of the time; his form and pressure» (которой для и прежде, и
теперь была и есть: подѣлать, такъ сказать, зеркало природѣ и — показать добродѣтели
и собственныхъ чертъ, позору — его собственный образъ, самое же время представить въ
его настоящемъ возрастѣ и значеніи, форѣ и характерѣ). Шекспиръ во всѣхъ своихъ дра-
махъ остается постоянно вѣренъ этому основному взгляду. Оттого его драмы дѣйствительно
являются зеркалами жизни и людей. Въ нихъ характеры развертываются свободно,
попинувшись внутреннему содержанию лишь въ силѣ вѣнчаныхъ состоятельствъ, интересы ста-
навливаются, высокое смѣшается комическимъ, ужасное — трогательнымъ, патетическое — шутов-
скимъ, впередъ зрителемъ волнуетъ борьба душевныхъ силъ, развязка же готовится не
по вѣдѣ предопределеннѣи или трагической судьбы, а по силѣ свободной дѣятельности человѣ-
ка, его энергіи или слабости. Въ этомъ свойствѣ поэзіи Шекспира заключается ея обще-
человѣческая сторона, ее всемирное значеніе. Г. Симонъ, авторъ жизнеописаніи Шекспира,
развиваетъ эту характеристику въ стихахъ. Смысьль ихъ приблизительно такова (см. «Всебо-
йстор. Литер.» Шерра, переводъ съ немецк. подъ редакціи Пимпина, 1867, стр. 403):

для печати поэма *Цыганы* (1824), последняя дань байронизму, и, наконец, написать *Бориса Годунова* (1825). — Отличительная черта этого периода полной зрелости таланта Пушкина видна в том, что он возвращается на дорогу реального, жизненного, естественного изображения характеров и явлений. Эта сторона поэзии и составляет важнейшую заслугу Пушкина. — Современники Пушкину критика не знали понимания зрелости его таланта и не умели, какъ

Торжественно восстаетъ твое яко
Нъ крайъ въ крайъ. Гдѣ вѣкъ гла-
дится
Кровавые орамъ воинственнаго Рима,
На берегахъ соколиныхъ Ганга, въ
Миссурѣ,
По отдаленному постоку съ пѣчальнымъ
Гроемъ
До запада, гдѣ колесники солнца
Въ волнахъ дауримъ воры утаска,
Повсюду ты торжественно проѣдешь,
И миръ твой завоевашъ.
Затѣмъ въ Цезаря, и Александра
Битвы.
Въ далекомъ будущемъ, когда предѣлъ
послѣдній

Широкой славы Англія достигнетъ,
Когда покинутъ берега ее
Науки и искусство, — въ царствѣ міра
Сойдетъ съ престола, а, тогда, Шек-
спиръ,
Австралия твое продолжаетъ царство.
Въ богатыхъ городахъ уже другого
мира
Раздастся пѣснь твоя и эхо въ ото-
вотся.
Ты будешьъ жить, пока живутъ на-
роды;
Любить ты будешьъ, пока сердце
бѣгътъ.—
Существовать, — пока есть время въ
мире.

Вотъ списокъ драматическихъ произведений Шекспира: 1) *Периклъ, или Афинамъ Тирскій, Pericles Prince of Tyre*, 1597; 2) *Тионъ Альбоникъ, Titus Andronicus*, 1590; 3) *Генрихъ VI*, 1599; 4) *Комедия ошибокъ, Comedy of Errors*, 1594; 5) *Безумная любовь, Love's Labour's lost*, 1598; 6) *Для Веронки, Two Gentlemen of Verona*, 1592; 7) *Богемъ,威尼斯人的爱, All's well that ends well*, 1598; 8) *Ромео и Юлия, Romeo and Juliet*, 1593; 9) *Ричардъ III*, 1594; 10) *Ричардъ II*, 1594; 11) *Генрихъ IV*, 1595; 12) *Укрощение стро-
врдомъ, Taming of the Shrew*, 1596; 13) *Венецианский купецъ, Merchant of Venice*, 1597; 14) *Сонъ въ летнюю ночь, Midsummer Night's Dream*, 1597; 15) *Гамлетъ, Hamlet Prince of Denmark*, 1598; 16) *Что въ лотошинѣ, или Девятнадцатая ночь, What you will or Twelfth night*, 1598; 17) *Мюсъ шаму изъ чина, Much Ado about Nothing*, 1599; 18) *Генрихъ V*, 1599; 19) *Какъ въсе угодно, As you like it*, 1600; 20) *Веселыя Виндзорскія женины, Merry Wives of Windsor*, 1600; 21) *Миръ за миръ, Measure for Measure*, 1604; 22) *Король Лиръ, King Lear*, 1606; 23) *Юлий Цезарь, Julius Caesar*, 1608; 24) *Аントонъ и Клеопатра, Antony and Cleopatra*, 1607; 25) *Корiolанъ, Coriolanus*, 1608; 26) *Троилъ и Крессидѣ, Troilus and Cressida*, 1608; 27) *Макбетъ, Macbeth*, 1609; 28) *Буря, The Winter's Tale*, 1609; 31) *Король Генрихъ, Henry VIII*, 1613; 32) *Отелло, Othello*, 1615; 33) *Генрихъ VIII*, 1613; 34) *Талантъ Альбоникъ, All's Well That Ends Well*.

На русскомъ лучшее издание Шекспира «Новое собрание драматическихъ произведений Шекспира въ переводе русскихъ языковъ» подъ редакціею Некрасова въ Гербленѣ, 1874 г.

Римскій историкъ Когнилъ Тацитъ (54—117 по Рондѣ Хр.) занималъ значительные государственные должности при императорахъ Веспасианѣ, Титѣ, Доміціанѣ и Неронѣ, прославившися же своими историческими сочиненіями о Римѣ и Германіи. Съ большими напасечами обратившись Тацитъ соединилъ опытность въ дальнѣвидности государственного человека. Въ той его повѣстности смыслился глубокий патріотический спорѣ при мысли о непротив-и-отвѣтной доблести прѣкитого Рима и о корыѣ римскихъ правоположеній временъ императора. Съ пророческимъ предвидѣніемъ Тацитъ указываетъ то время, когда изъ развалинъ римскаго общества утвердятся неизвестными, полными силы, германскіи племена. Сильно, размашисто и поразительно онъ пишетъ картины временъ и народовъ. Слово ого, скаты, выражительно исклы, исктыки пронизнуты тонкими вѣровѣй. Такъ въ сочиненіи о тогдашнемъ состояніи Германіи (*De situ moribus populisque Germaniae*). Тацитъ говоритъ: «прѣше 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы, вскорѣ усмѣшили орутъ мѣтловы, въ Германіи все еще не покорена и никто памъ стоять. Брошенъ царства Арага свободы германцевъ. Каждыи думалъ, залужата германцевъ, вооружеными, иль, не попуталъ. Они воспользовались нашими граждансими неурядицами и, опровергнувъ римскій лагерь, покинувъ въ Галії. Да и съ тѣхъ поръ мы надъ германцами больше отпрадновали триумфы, нежели одержали побѣды». Еще больше насыщеніемъ смысла въ его «Исторіи» (*Historiarum libri 5*), где онъ описываетъ римскіи события отъ Гадзимъ до Доміціана, и въ «Лаконісахъ» (*Lacconis*, 16 книгъ, изъ которыхъ сохранились не всѣ) время отъ смѣти Августа до Нерона. За то съ особенной любовью Тацитъ говоритъ о немногихъ личностяхъ, на которыхъ ему практико отдохнуть душою, среди всебѣдной порчи правовѣ въ Римѣ. Такъ, напримѣръ, онъ пѣшу книгу посвѣтилъ жизнеописанию тести своего, Агріколы: *Vita Iulii Agricolae*.

следуетъ, отѣнить произведеній его. Пушкинъ, конечно, глубоко огорчался этимъ. Собираясь напечатать поэму *Браны-разбойники*, Пушкинъ писалъ къ одному изъ друзей: «если звуки *харчевъя, острого...* не испугаютъ пѣжныхъ ушей читательницъ, то напечатай. Бирючъ, чего болѣе читательницъ? Ихъ иѣть и не будетъ на русской земль, да и жалеть не о чёмъ». Когда вышли изъ печати первыи три главы романа *Евгений Онѣнинъ*, то простота романа и веселый, шутливый тонъ поразили многихъ критиковъ свою новостью и необычайностью. Даже многие изъ друзей Пушкина находили такой тонъ неумѣстныи въ романѣ. «Нѣтъ, они не правы — писалъ Пушкинъ одному изъ друзей о своихъ критикахъ, — ужели надо изгнать изъ поэзии все легкое и веселое? Куда же двинутся сатиры и комедіи? Нѣтъ: *картины сельской жизни такжесъ вѣдомы въ области поэзіи*».

Какъ ни огорчало поэта сознаніе того, что современники его не понимаютъ, однако же онъ продолжалъ писать, плавнуясь не разсчетамъ, не честолюбію, а внутренней потребности творить. Такой смыслъ замѣчательного стихотворенія *Разговоръ книопродавца съ поэтомъ* (1824). Здѣсь, вспомнивъ юное вдохновеніе, поэтъ восклицаетъ:

Блаженъ, кто про-себя гибъ^{ть}
Души высокія сознанья,

И отъ людей, какъ отъ могиль,
Не жаль за чувство воздалъ.

Очевидно, Пушкина не пѣшаютъ болѣе ни славы, ни женскаго вниманія. Въ стихотвореніи этомъ встрѣчается безошибочная характеристика тогдашнаго пустаго, поверхностнаго женскаго воспитанія:

Стонъ лирии не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображеніе,
Не понимаетъ насть оно;

И признакъ Бога — вдохновеніе

Для нихъ и чуждо, и смысль.
Когда на память мнѣ невольно
Придѣть вспущенный ими стихъ,
И содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.

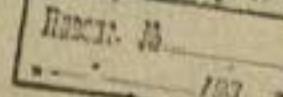
Наконецъ, въ этомъ же стихотвореніи рѣвнется съѣдѣющій немаловажный вопросъ: не унижаетъ ли себѣ поэтъ, продавая свои произведенія? Этотъ вопросъ, устами книопродавца, Пушкинъ разбираетъ такъ:

Не продается вдохновеніе,
Но — можно рукопись продать.

4. ПУШКИНЪ (1826—1830).

Содержание: Освобожденіе Пушкина. — Вѣдомы столичной суеты. — Разладъ съ обществомъ. — Злобническое изостровье поэзіи Пушкина. — Содержаніе и значение стихотвореній: *Пророкъ* (1826), *Позы* (1827), *Востоконакъ* (1828), *Черкѣ* (1828), *Бражку ли я вѣдѣ* *злыхъ мужиковъ* (1829), *Три яблока* (1827), *Монастырь на Калбекѣ* (1829). Общее содержаніе поэмъ *Полтава* (1828).

Въ 1826 году Пушкинъ окончательно освободился отъ опалы. Въ началь сентября, по повелѣнію Государя Императора, поэта привезли прямо къ нему, въ Москву; Государь выслушавъ искреннія *бумажнаго* Пушкина, въ здѣль за тѣмъ дозволилъ ему жить, гдѣ угодно, и заняться *тѣмъ, угодно*, прибавивши, что

онъ самъ берется быть цензоромъ его сочиненій^{*)}). Сохранилось преданіе, будто въ тотъ же вечеръ Государь сказаъ своимъ приближеннымъ: «сегодня я говорилъ съ умѣшаннымъ человѣкомъ къ Россіи». Впечатлѣніе милостиваго, отеческаго приема у Государа произвело на Пушкина глубокое, благотворное вліяніе. Это событие захновило его написать превосходные стансы: «Въ надеждѣ славы и добра», гдѣ въ немногихъ словахъ поэзъ нарисовалъ сиюшную фигуру великаго Преобразователя Россіи и въ то же время привлекательными чертами изобразилъ характеръ Императора Николая I. Какъ въ былое время завистники Державина накинулись на него за *Фелицу* и обвинили его въ низкой лести и желаніи высунуться, такъ случилось и съ Пушкинымъ. Онъ однако же заставилъ замолчать завистниковъ другими стансами, написанными въ томъ же 1826 году.

Императоръ Николай I.

Нѣть, я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я съѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбиль;
Онъ бодро, честно правитъ на ми;
Россію вдругъ отъ оживилъ
Войной, надеждой и трудами.

О нѣть, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ умъ державный:

Въ концѣ 1826 года Дворъ находился въ Москвѣ. Здѣсь сосредоточилась блестящая жизнь, богата развлечениями. Съ обычной своей щылкостью Пушкинъ снова увлекся шумомъ большого сѣта, впрочемъ не съ прежней юношеской безотчетной веселостью. Въ стихотвореніяхъ этого времени проглядываютъ непримиримыя противорѣчія, безпрестанные переходы отъ шумныхъ увеселеній, страстной карточной игры и модныхъ салоновъ къ самому горькимъ упрекамъ себѣ самому. Въ стихотвореніи *Воспоминаніе* (1828) находимъ, что въ противоположность шумныхъ светскихъ развлечений, ночи приносили поэту не покой и отраду, а «Часы томительного болѣя», полныя тревоги и

^{*)} Извините, възъ Государа, Генераль-Адъютантъ Бенкendorffъ, писалъ Пушкину 20 сент. 1826 года: «Сочиненій вашъ никто разсматривать не будетъ; изъ нихъ иль изъ позору. Государь Императоръ самъ будетъ первымъ изътелей произведеній вашихъ въ цензоромъ. («Наследование и спадки по русской литературѣ и просвещенію». М. И. Сухомлинова. Т. 2-я. Сб. 1889, стр. 207).

досады о прошедшей своей жизни. Тамъ, напримѣръ, встрѣчаются слѣдующіе безотрадные стихи:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
— Въ безумствѣ гибельной свободы,
— Въ невѣѣ, въ бѣдности, въ чужихъ страхахъ,
— Мои утраченные годы».

Въ этомъ же стихотвореніи въ первый разъ проглядываетъ та мысль, которая въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ повторяется чаще и чаще, а именно мысль о смерти. Причины аллегорического настроенія Пушкина въ это время заключались только отчасти въ недовольствѣ самимъ собою за безполезно «утраченные годы». Не одно прошедшее печально поэта, но также и настоящее; и онъ имѣлъ основаніе быть недоволенымъ не только собою, но и другими. Годы, проведенные поэтомъ въ изгнаніи, размышленіе и труды надъ самообразованіемъ сдѣлали то, что поэтъ оставилъ далеко за собой бывшихъ своихъ друзей и знакомыхъ, съ которыми теперь опять увидѣлся въ Москвѣ. Между ними и Пушкинъ оказалась такая разница въ понятіяхъ и взглядахъ, особенно на послѣдніе, что Пушкинъ почувствовалъ себѣ одинокимъ. Тяжело ему было видѣть, что современные критики не понимаютъ его произведеній, и самая жизнь въ такихъ минутахъ была ему въ тягость. Въ стихотвореніи *Даръ напрасный, даръ случайный* (1828) читаемъ:

Цѣли пѣть передо мною;
Сердце пусто, празднень умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучной жизни шумъ.

То же чувство слышится и въ стихотвореніи *Три ключа* (1828). Здесь Пушкинъ дѣствительную жизнь со всѣми ее докучными вспышками, называетъ «мірскою, безбрежною и печальною степью». Въ этой-то печальной степени пробились три таинственные ключи: ключ юности, ключ поэтическаго вдохновенія и холодный ключ забвѣнья (т. е. смерти). Поэтъ сочувственно говоритъ о юности, еще болѣе—о благодатной струѣ втораго ключа, но все отдаетъ предпочтение послѣднему (т. е. смерти). Въ грустномъ настроеніи поэтъ говоритъ объ этомъ ключѣ: «Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить», т. е. другими словами: только изъ смерти онъ надѣется найти спокойствіе. Въ небольшой залегіи *Монастырь на Казбекѣ* (1829), Пушкинъ вскликнулъ:

«Туда бѣ, въ заоблачную келью,
— Въ сокѣство Бога скрыться мнѣ!...»

Но гораздо болѣе мысль о смерти проходитъ въ залегіи *Бражу ли я одолѣ умѣцъ шумныхъ* (1829). Эта мысль не покидаетъ его ни вдѣ улицъ шумныхъ, ни въ многолюдномъ храмѣ, ни среди юношъ, ни при видѣ цѣтущаго младенца. Не смотря, однако же, на неотступность этой мысли, нельзя сказать, чтобы эта залегія отличалась тяжелымъ, безотраднымъ тономъ. Поэтъ какъ будто примиряется съ неизбѣжностью смерти и желаетъ только почивать

побывалъ къ родинѣ, да чтобъ изъ могилы и кругомъ ей играли жизнь и *равнодушная природа* сияла вѣчною красотой.

Въ стихотвореніи *Пророкъ* (1826) Пушкинъ строго и отчаянно выразилъ свой взглядъ на то, на чѣмъ заключается призваніе поэта. Тутъ совершенно ясно выражается необходимость полнаго праведнаго обновленія человѣка для того, чтобы онъ могъ исполнить свое назначеніе среди людей. Божій гласъ изынаетъ къ человѣку, обновленному высокими тарами духа:

Возсталь, пророкъ, и виадь, и внемли,
Исполнишь волею моей
И, обходи жоры и земли,
Глагодомъ жги сердца людей.

Такъ понималъ и такъ решительно выставлялъ Пушкинъ назначеніе поэта. Въ другомъ стихотвореніи: *Поэмъ* (1827), Пушкинъ развиваетъ ту мысль, что пока человѣкъ погружаетъ въ «заботы суетнаго сцѣна», на немъ не замѣтно ничего поэтическаго, т. е. онъ занятъ не существенно-важными нравственными избѣгами жизни, а однии мелкими сподобыстскими дѣлами. Въ такихъ занятіяхъ поэту не представляется ничего нравственно-значительного:

И между дѣтейничтожныхъ мира,
Быть можетъ, всѣхъничтожный опытъ.

Но когда божественный глаголь (т. е. вдохновение) до слуха чуткаго коснется, тогда душа поэта встрепенется, какъ пробудившися орелъ, и поэтъ избѣгаетъ прежнаго суетливаго общества, ищетъ природы и обдумываетъ тѣ образы, которые должны будуть выразить его высокія, сильныя идеи; говорить тѣ речи, которыя должны будуть зажечь сердца людей.

Современники Пушкина понимали иначе значение поэта и отношение его к обществу. Какъ именно они понимали и чего требовали отъ поэзіи, это Пушкинъ обозначилъ рѣзко и настѣнную въ свою стихотвореніи *Чернь* (1828). Здѣсь огнъ съ величаниемъ презрѣніемъ называетъ своихъ критиковъ, безъ разбора, неизѣдами (*profani*), толпой безсмыслицей, чернило. Толпа эта предъявляетъ поэту такое требование: ты можешьъ намъ давать уроки, а мы послушаемъ тебя. Поэтъ въ первыи краиниаго негодованія, отвѣчаетъ:

Идите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до вѣсъ!
Въ развратъ каменйтѣ смыю:
Не оживить вѣсъ лиры гласть.
Дунгъ противны вѣи, такъ гробы;
Для вашей глупости и забы
Имѣли вѣи до сей поры

Бичи, темницы, топоры.
Довольно съ вась, рабынъ, бедумныхъ!
Не для житейскаго волнишья,
Не для корысти, не для битья,
Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Суждения, выраженные здесь, конечно, односторонни и пристрастны. Самое назначение поэзии, какъ оно выставлено въ послѣднихъ четырехъ строчкахъ, тоже невѣрно. Позія связана съ дѣйствительной народной жизнью самыми непрѣрывными связями; и поэтому неѣть возможности и неѣть вужды отъ

ваться отъ своего народа. Чувство, никогда, впрочемъ, и не чуждое народной жизни, напротивъ у него больше, чѣмъ у кого-либо изъ нашихъ поэтовъ, видна живая связь съ явлениями действительной жизни, какъ современной, такъ и исторической. Слѣдовательно, рѣзкія его рѣчи въ стихотвореніи *Чернь* нужно понимать, какъ взрывы лирическаго негодованія, минутного раздраженія противъ незадуманныхъ и лукавыхъ его юнителей.

Въ этот же промежутокъ времени, именно въ 1828 г., написана *Полтава*, одно изъ прекрасѣйшихъ созданій Пушкина. Предметомъ для поэмы выбранъ одинъ изъ любопытѣйшихъ эпизодовъ нашей истории: борьба Петра Великаго съ Карломъ XII. Изъ множества лицъ этой поэмы съ особенномъ любопытствомъ обработаны характеры Петра и Маріи (разборъ *Полтавы* см. ниже).

5. ПУШКИНЪ (1830—1833).

Содержание. Уездская деятельность Пушкина в Нижегородской губ., в деревне Болдине-Озинке Есения Омелькина. Содержание и значение драматического письма: Служной роман (1830) и Монологи в Саллери (1830) в стихотворений: Осьма (1830), Время (1830), Эго (1831). Не дай мне быть союзом с ума (1833) и Безумные дамы русского театра (1830). Женитба Пушкина и подготовка к историческим трудам.

Этотъ периодъ времени заключаетъ въ себѣ литературные труды Пушкина сначала въ Нижегородской деревнѣ Болдино, потомъ въ Петербургѣ. Вы деревнѣ оғь провёлъ осень 1830 года. Вообще осень изо всѣхъ временъ года наиболѣе располагала Пушкина къ работе. За то—этому времени года Пушкинъ посвѣтилъ превосходное стихотвореніе *Осень* (1830).

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща
отряхнется.
Послѣдніе листы съ ветвей своихъ
падутъ;
Дохнуль осеній хладъ, дорога про-
мерзаетъ;
Журавъ еще бѣжитъ за мельницу
ручей.

Но прудъ уже застыгъ, сесть моя
поспѣшаетъ
Въ отѣжнія поля съ охотою своей, —
И страждуть озимы отъ бѣсной за-
бахы,
• И будить лай собакъ успушнія ду-
брывы.

Уже съ первыхъ строкъ, по самому складу полноголосныхъ октавъ и по необычному у Пушкина шестистопному ямбу, чувствуется торжественное настроение поэта и слышится смысла, утвержденная въ себѣ мысль зреаго художника. Русская осень обрисована отчасти чертами, свойственными ея природѣ, отчасти—печатлами, какія она производить на душу русского человека вообще и Пушкина въ особенности. Въ описаніи осени все необыкновенно просто, естественно и въ то же время—благодаря силѣ поэтической воспріимчивости автора—все выходитъ необыкновенно красиво, близко сердцу, привлекательно. Самыя обыкновенные явленія природы: опадающей листвѣ, съзиждѣ осенній вѣтеръ, сирое небо, бѣгущія тучи и наступающіе морозы—въ описаніи у Пушкина получаютъ поэтический смыслъ; они являются выраженіями дѣятельности лѣтчино-творческой, безконечно-разнообразной, могущественной и прекрасной природы. При такомъ настроеніи поэта, проза этихъ

явленій исчезаетъ. На мѣстѣ ихъ рисуется *нынѣшнєе природы увѣданье*, — «*башрецъ и въ золото одѣтые листа*; осенняя пора представляется очей *очарованьяемъ*. Впрочемъ, не въ описаніи осени заключается главная задача этого стихотворенія. Главная задача — въ томъ, чтобы подѣлиться съ читателемъ мѣстомъ обновленіемъ всего своего существа, какое поэтъ чувствуетъ подъ влияніемъ осени. Осеню поэту *сновь разытнаенъ* и физически, и духовно. Вмѣстѣ съ осеню къ поэту возвращаются его любимыя мечты и думы. Онъ охотно уходитъ въ нихъ, перекинуть ихъ вновь; душа его освѣщается поэтическимъ вдохновеніемъ, напряженіе душевныхъ силъ достигаетъ высшей степени и разрѣшаются поэтическимъ творчествомъ. Картина поэтическаго вдохновенія составляетъ конецъ сочиненія. По трудности задачи, а также и по красотѣ выраженія, оно можетъ служить образцомъ высокихъ и прекраснейшихъ лирическихъ созданій.

И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ вол-
неніемъ,
Трепещть и звучить, и ишетъ, какъ
во снѣ,
Излиѧться наконецъ свободнымъ
проявленіемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой
гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты
моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ
отвагѣ,

И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣ-
гутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо
къ бумагѣ.
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ
недвижной влагѣ;
Но чу!... матросы вдругъ кидаются,
волзутъ
Вверхъ, внизъ.—и паруса надулись
вътра волны;
Громада двинулась и разсыпаетъ
волны.

Такъ благотворно осень вообще действовала на Пушкина; но въ осень 1830 года поэтъ особенно усердно работалъ. Онъ написалъ множество разнообразнѣйшихъ произведеній: кончилъ *Евгенія Онѣгина*, написалъ пять *поэмы Евгения* и еще одну — октавами, имено *Домикъ въ Коломнѣ*, не сколько драматическихъ сценъ, въ томъ числѣ *Скупой рыцарь* и *Монартъ и Сальери*, и множество мелкихъ лирическихъ стихотвореній. Изъ лирическихъ стихотвореній этого периода, 1830—1833, кроме *Осени*, еще замѣтны: *Бѣсы* (1830), *Клеветникамъ Россіи* (1831), *Эхо* (1831), *Не ойтъ* *Боя сойти съ ума* (1833) и *Безумныхъ лѣтъ упасшее веселье* (1830).

Романъ *Евгений Онѣгинъ* начать еще въ 1823 году. Естественно, что въ немъ отразились впечатлѣнія разнообразнѣйшихъ эпохъ жизни автора: въ сего Михайловскому (1824, 25, 26), въ Москвѣ (1827) и въ Петербургѣ (1831). Поэтому въ романѣ встрѣчаются и картины тихой, деревенской жизни съ ей уединеніемъ, размышленіемъ, трудами и развлечениями, и очеркъ нравовъ уѣзднаго дворянства; а потому — довольно насыщенная картина жизни московской и великосѣтской петербургской въ томъ именно кругу, изъ которога часто подъ блестящей наружностью скрывалось очень мелкое содержаніе.

Вообще, въ произведеніяхъ Пушкина этихъ годовъ бросается въ глаза необыкновенное разнообразіе содержанія. Въ однихъ предметы взяты изъ русской жизни; въ другихъ являются типы общечеловѣческіе; въ некоторыхъ же звучать уже знакомые намъ, прежніе мотивы пушкинской элегіи.

Въ балладѣ *Бѣсы* (1830) предметъ выхваченъ изъ чисто русской природы. Здѣсь, рядомъ съ поэтическою картиной сѣлской мяты, Пушкинъ рисуетъ и всю неекладицу понятій простолюдина о природѣ. Крестьанинъ нашъ естествознѣйшію не учился, а потому самая обыкновенная естественная явленія онъ объясняетъ себѣ по-своему, при помощи фантазіи, однѣтворяетъ ихъ въ образѣ разныхъ непримѣтныхъ бѣсовскихъ силъ. Собственные ощущенія автора, подъ влияніемъ грозной мяты, выразились въ разныхъ мѣстахъ баллады, а особенно въ словахъ: «страшио, страшио по-невѣль срѣдь бѣгающіхъ равнинъ» и еще въ словахъ:

«Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,

«Визгомъ залюбныя и воемъ
«Надрывая сердце мнѣ».

Стихотвореніе *Клеветникамъ Россіи* вызвано также явленіями русской жизни. Польскій мятежъ 1831 года, усмиреніе его, волненіе Европы и явное недоброжелательство къ Россіи называли силуною рѣчи Пушкина; въ этой одѣ слышится возбужденное патріотическое чувство; мѣстами оно высказывается съ дерзкими блескомъ и пынностью. Но тону стихотворенія видно, какъ глубоко затрагивали душу русскаго поэта тогдашнія политическія события. Очевидно, что если Пушкинъ прежде и утверждалъ, будто поэты рождаются «не для житейского волненія, не для корысти, не для битъ», а для однихъ сладкихъ звуковъ и молитвъ, то это было имъ сказано тогда подъ влияніемъ минутнаго лирическаго раздраженія — и только.

Въ драматическихъ сценахъ: *Скупой рыцарь* и *Монартъ и Сальери* встрѣчаются типы общечеловѣческіе, безъ отношенія къ русской жизни. Здѣсь Пушкинъ извѣль другія лица, разнѣль ихъ характеры при совершенно другихъ отношеніяхъ и въ другое время. А все же лица — какъ живы, такъ много въ нихъ естественности и такъ они вѣры своимъ характерамъ, и тѣ обстановкѣ жизни, въ какихъ они находятся.

Въ шесть *Скупой рыцарь* подробностей обстановки больше, нежели въ другой драмѣ. Тутъ мы узнаемъ, вѣкоторыя типическія черты рыцарского времени. Съ одной стороны щекотливое чувство чести, уваженіе къ рыцарскимъ упражненіямъ (турнирамъ), преданность государю; съ другой — отсутствие для рыцаря возможности заниматься хозяйствомъ, промышленностью и торговлей, а вслѣдствіе того — постоянное безденежье и житѣе иль долгъ. Еще сильное влияніе евреевъ, которые, наживши торгою, посредствомъ судъ держали рыцарей въ своей зависимости. Съ рыцарей они изыскивали нево-мѣрные проценты, а рыцари отплачивали имъ презрѣніемъ. Еще одна, не-приятная черта: въ молодости рыцаря занимали доспѣхи, турицы, вниманіе дамъ, служба, походы, а подъ старость, за недостаткомъ жизни общественной, политической, — всѣ его помыслы, всѣ душевныя силы сосредоточились на властьюю. Эта жажда власти служитъ главной пружиной дѣйствій старого барона. Всѣ его дѣйствія направлены къ тому, чтобы какъ можно болѣе

накопить золота. Онь золотомъ надѣется обезпечить себѣ власть надъ всѣмъ и надъ всѣми. Въ этой заботы у барона итъ ничего болѣе на свѣтѣ. Жизненныя удобства, собственное достоинство, положеніе взрослаго сына, всѣ благородныя чувства и помыслы—все принесъ баронъ въ жертву одной низкой страсти. Въ монологѣ баронъ высказываетъ всѣ. Видно, что этотъ человѣкъ опытный въ жизни и въ людяхъ; онъ такъ умно намекаетъ на то, что люди часто поддаются страстямъ и тѣмъ ронаютъ свое человѣческое достоинство. Видно, что этотъ человѣкъ привыкъ размышлять; онъ даже пытается разбирать собственныя чувства и мысли. Но въ то же время читатель замѣчаетъ, что баронъ совершилъ потерю власти надъ собой; сколько онъ ни хвалится своимъ могуществомъ, сколько онъ ни восхваляетъ: «что-жъ не подвластно мнѣ? Лишь захочу» и т. д. Страсть огненна ею, овладѣла имъ. Онъ ничего не щадить, ничего не можетъ. Чтобы сдѣлать что-нибудь, ему надо истратить столько-то червонцевъ, а на это у барона не найдется силь. Положеніе комическое. Въ концѣ монолога страшныя рѣчи барона о томъ, что становится съ его сокровищами послѣ его смерти, и еще — о мученіяхъ сонеты, которая не даетъ ему покоя, возбуждаютъ въ душѣ читателя новое чувство. То — чувство состраданія. Тяжело, болѣю видѣть, что человѣкъ можетъ пасть такъ низко въ нравственномъ отношеніи и сдѣлать изъ жизни муку какъ себѣ, такъ и другимъ.

Въ другой драмѣ Пушкинъ вызвалъ два историческихъ лица: Моцартъ и Сальери. Первый (1756—1791) — геніальный немецкий композиторъ и виртуозъ; послѣдний (1750—1825) известенъ болѣе какъ музыкантъ-теоретикъ, хотя и написалъ нѣсколько оперъ. Драматический очеркъ Пушкина, при всей своей краткости, необыкновенно живо изображаетъ характеры лицъ и развитіе дѣйствія, особенно внутреннюю сторону драмы, т. е. самыя мысли, чувства и побужденія лицъ. Моцартъ — личность спѣвшая, привлекательная; Сальери — личность мрачная, отталкивающая. Тутъ — геніальный художникъ, добѣрчивый, добрый, беззаботный характеръ, а этотъ — хотя и даровитый труженикъ, но въ то же время человѣкъ съ душою злѣкою. Низкое чувство зависти до того овладѣваетъ имъ, что доводитъ его до преступленія. Характеръ Сальери весь выясняется уже въ первомъ его монологѣ: тутъ читатель вполнѣ узнаетъ его. Состоиніе души Сальери за столько и такъ хорошо раскрыто передъ читателемъ, что послѣдний, еще не читая драмы, уже угадываетъ, что тамъ, гдѣ-то впереди, непремѣнно предстоитъ что-то страшное, трагическое. По свойствамъ Сальери, читатель не можетъ предположить, чтобы это лицо, не случай трудной борьбы съ самимъ собою, вышло изъ борьбы побѣдителемъ, осталось бы нравственно-чистымъ и высокимъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ происходитъ въ концѣ пьесы. Сальери надѣетъ жертвою своего низкаго чувства зависти: онъ отравляетъ Моцарта. Въ душѣ читателя Сальери навсегда оставляетъ до крайности тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Какъ только вспомнишь его, тотчасъ явится возмутительный образъ убийцы, холоднаго, усовершенствованного злодѣя. Онъ не украдкой, не второпяхъ, не со страхомъ, а открыто, спокойно, съ расчетомъ, какъ будто съ убѣженіемъ, отравляетъ своего друга въ ту самую минуту, какъ самъ же называетъ его божественную музыку. Въ противоположность Сальери Моцартъ вездѣ очаровываетъ читателя

своими веселыми припомы, своей синхронительностью къ людямъ, дѣтской дѣвичиной и рѣдкой нравственной чистотой. Въ характерѣ Моцарта особенно пѣтъянительны дѣлъ черты. Во-первыхъ, его ценою любимая увѣренность въ томъ, что художество — великое, святое дѣло, а потому и служить ему можно только лучшими, благородѣшими силами души. Устами Моцарта Пушкинъ выражаетъ основную идею драмы: «гений и злодѣство — дѣлъ вещи несовмѣстныя». Во-вторыхъ, въ немногихъ словахъ Моцартъ, съ тонкимъ артистическимъ умѣніемъ, обрисовалъ высокое значеніе музыки среди прочихъ изящныхъ искусствъ; самихъ же музыкантовъ называя избраниками Божиими, счастливющими, иречами единаго прекраснаго.

Въ стихотвореніяхъ: *Эго*, «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума» и алегіи «Безумныя львы увеселѣ веселье» слышится прежній алегіческій строй мыслей поэта, тоска одиночества среди непонимающихъ его цѣнителей и кромѣ того, — смутное предчувствіе близкой смерти. Странно: собираясь жениться, онъ писалъ (1830):

Безумныхъ лѣть угасшее веселье
Миръ тажѣло какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей души чѣмъ старъ, тѣмъ сильнѣй.

Женившись въ 1831 г. на Гогарозой (Наталиѣ Николаевнѣ), Пушкинъ хотя и былъ озабоченъ устройствомъ дѣлъ по изѣнѣю, однакоже дѣятельно старъ собирать материалы для Исторіи Петра Великаго. Имѣходомъ онъ затрагивалъ и другія эпохи русской исторической жизни. Такъ, некоторое время оно остановилось на пугачевщинѣ и даже тацѣль въ Казань и Оренбургскій край — посмотреть исторіческія места. Подъ впечатлѣніями этихъ подготовительныхъ историческихъ трудовъ написаны: *Исторія Пугачевскою бунта* и *Капитанская дочка*.

6. ПУШКИНЪ (1833—1837).

Содержаніе: Преобладающее изрѣзаніе въ литературной дѣятельности Пушкина въ этотъ периодъ времени. Краткое содержаніе *Медного всадника* и *Баллады о ботки*. Народныя народныя. Исторія Пугачевского бунта, журналъ *Современникъ*. Душа и смерть Пушкина. Содержаніе и значение стихотвореній: *Полководецъ Моисея Бонапарта*, «Люди въ воспоминаніи», *Молитва въ Памятнике*.

Въ сочиненіяхъ послѣдн资料期 of жизни Пушкина эпическая спокойнаго разсказа болѣе, нежели лирическаго волненія. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ окончательной зрѣлости мысли поэта и философического взгляда на жизнь и на ее вѣніе. Сочиненія Пушкина этого послѣдн资料期 отличаются большимъ разнообразіемъ содержанія: тутъ есть подражаніе древнимъ римскимъ писателямъ, пѣсни западныхъ славянъ (напр. *Бонапарти и Черногоры*, *Пѣсня о Георгіи Черномъ и др.*), русскія народныя сказки, историческія повѣсти и научные историческіе труды. Самая толькъ этихъ сочиненій свидѣтельствуетъ въ авторъ спокойнѣо-зрѣлое, серьезно-синхронительное отношеніе къ дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, какія дѣлъ переведены

имъ въ 1835 году изъ того древнаго греческаго поэта—(Анакреона)—кото-
рого вся философія сводится къ умѣнію умѣренію пользоваться наслажденіями
жизни и такимъ образомъ извлекать для себя возможно болыше количество
материальнаго благополучія.

ОДА LVI.

Порѣхъ, побѣхъ
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей,
Сладкой жизни мѣтъ немнога
Прожилъ осталось дней;
Шарка счѣть ведеть имъ строго,
Тартаръ тѣни ждеть моей.
Страшень хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,

Изъ него же нѣть исхода;
Всикъ наѣхъ тамъ забыть.

ОДА LVII.

Что же сухо въ чашѣ дво?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзый;
Только пынное вино
Раствори водою трезвой,
Мы не Скины; не люблю,
Други, шампановать безчинно;
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣду невинно.

Изъ болышихъ произведеній этого періода замѣтны поэмы: *Мѣдный осадникъ* и *Кантемирская дочка*, обѣ—1833 года. Первая не велика по объему, но значительна по содержанію. Пушкинъ остановился на историческомъ фактѣ, именно на одномъ изъ эпизодовъ наподобія Петербурга 1824 года. На этомъ фактѣ художникъ построилъ рядъ картинъ жизненныхъ и замѣтныхъ. Мѣстами въ поэмы рисуется могучій образъ Петра съ его «великими думами» о славѣ Россіи, а мѣстами быстро и сердечно развивается драма жизни бѣдаго, маленькаго чиновника и живо трогаетъ сердце читателя.

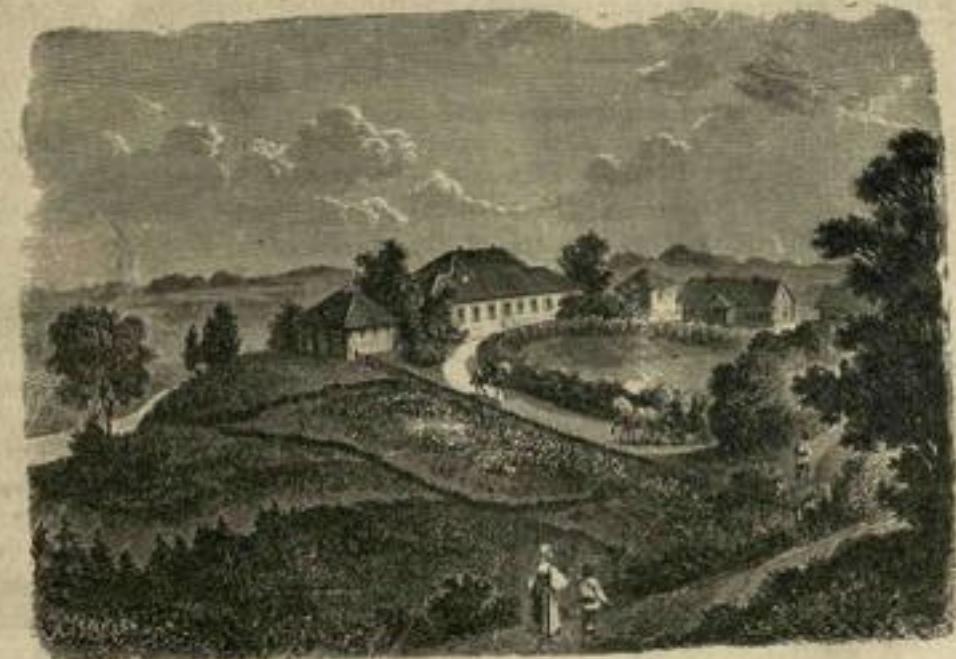
Поэма *Кантемирская дочка* построена на подробностяхъ событий изъ времень пугачевщины. Въ этой поэмы замѣтны и содержаніе, и разсказъ. Содержаніе раскрываетъ начь картину патріархального управления оренбургской окраинѣ Россіи и знакомитъ простодушными типами людей старого вѣка. Разсказъ образцовый, по живости и естественности развитія дѣйствія, по легкости и изяществу прозы (подробности разбора обѣихъ поэмъ см. ниже).

Въ русскомъ сказочномъ мірѣ Пушкинъ тоже почерпнулъ кое-что для своей фантазіи. Подѣлываясь, болѣе или менѣе удачно, подъ складъ народныхъ сказокъ, онъ написалъ сказки: *О царѣ Салтанѣ*, *О купцу Остапонѣ и работнику Балдѣ* (передѣлка народной сказки *Балакрая*), *О золотомъ пѣнушкѣ*, *О мертвомъ царевичѣ*, *О рыбакѣ и рыбѣ* (передѣлка народной сказки того же имени). Послѣднія вышли лучше всѣхъ. Идея и замысловатость народной сказки шлютъ сохранившись изъ передѣлки Пушкина. Кромѣ того, и самое выраженіе, не смотря на стихотворный размѣръ, совершенно близко подходитъ къ простонародному изложенію народной сказки. И подборъ словъ самый простонародный, и складъ рѣчи сказочный, и даже свойственныя народному языку частыя повторенія цѣлыхъ выражений сохранены и у Пушкина (о русской народной сказкѣ си. мой ученикъ Усманъ народной словесности).

Къ 1833 же году относится и *Исторія Пущинскаго бунта*. Надѣю Пушкинъ трудился много и добросовѣтно. Эта *Исторія* болѣе, нежели его

поэзія, привлекла къ Пушкину вниманіе правительства: онъ былъ (въ 33 же году) показанъ въ камер-юнкеры Двора Е. И. Величества, и кроме того, на напечатаніе книги получить заимообразно 20,000 рублей.

Въ 1836 г. Пушкинъ сталъ издавать журналъ *Современникъ*. Въ этомъ журнальѣ главное мѣсто было назначено—критикъ. Но Пушкинъ успѣлъ издать только четыре книги. Тутъ подоспѣли роковые случайности, которыхъ сдѣлались причиной гибели поэта. Въ свѣтъ разнеслись обидные для его чести слухи и толки о его жертѣ. Сынъ изволовалъ и оскорблялъ поэта. Затѣмъ послѣдовала несчастная дуаль Пушкина съ сыномъ голландскаго посланника (Гекерномъ-Дантесомъ) 27-го января 1837 года. Пушкинъ былъ раненъ и два дня спустя умеръ, въ самой цѣнѣющей порѣ развитія своего таланта.

Село Михайловское.

Изъ небольшихъ лирическихъ стихотвореній этого періода замѣтны: *Полководецъ*, *Моисія Кутузову*, *«Вновь я постыла»*, *Молитва*, *Памятникъ*.

Полководецъ, 1835 г. По повышеному строю мыслей и по истинно-художественной рѣчи, стихотвореніе *Полководецъ* можно назвать художественной одой. Только самыи конецъ ея имѣть тонъ сильной, уѣзкой сатиры на ограниченность и пристрастіе, свойственная большинству людей при оценкѣ современныхъ явленій жизни. Вотъ содержаніе оды. Сначала поэтъ описываетъ убранство одной изъ царскихъ «палатъ», въ которой собраны портреты незабвенныхъ участниковъ въ отечественной войнѣ. Ихъ Пушкинъ характеризуетъ назианемъ «начальникомъ народныхъ нашихъ силъ» и прибавляетъ, что имена ихъ драгоценны величому русскому членуку именно потому, что покрыты «словою чудесными

наго похода и въчной памятью двѣнадцатого года». Особенное внимание поэту останавливаетъ портретъ Барклай-де-Толли. Онь описываетъ самый портретъ и объясняетъ впечатлѣніе, какое производить на поэта изображеніе Барклая. Потомъ Пушкинъ бѣгло припоминаетъ главныя событія изъ того времени, когда Барклай былъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ. Въ этомъ мѣстѣ сочиненія поэтъ съ глубокимъ чувствомъ говоритъ о заслугахъ Барклая, о его самоотверженіи на пользу отечества и о томъ, сколько оскорблений онь нынѣшь отъ людей, которые, не понимая его дѣлъющіости, сачое отступленіе Барклая передъ напискомъ Наполеона объясняли себѣ предположеніемъ, что полководецъ намѣренъ предать Россію врагамъ. Оказывается ода, во-первыхъ—взрывомъ негодованія поэта вообще за человѣческую близорукость и ограниченность, а во-вторыхъ—возвышеніемъ заявленіемъ о томъ, что святая обязанность поэзіи—исправить несправедливости и пристрастія людей.

О люди! жалкій родъ, достойный смѣхъ!
Жрецы минутного, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо вѣсъ проходитъ членъ,
Надъ кѣмъ ругается сильной и буйной вѣсъ,
Но чей высокій ликъ, изъ градуемъ покольни,
Поэтъ приведеть изъ восторга и умиленія!

Могила Кутузова, 1831 г. Краткое содержаніе: 1) описание внутренности Казанского собора, имѣю того мѣста, где находятся могилы Кутузова; 2) характеристика значенія самого полководца; 3) воспоминаніе объ исполненной борбѣ Россіи съ Европою въ 1812 г.

Описание храма и обстановки могилы Кутузова чрезвычайно просто, вѣро дѣйствительности и въ то же время выражаетъ благоговѣйное настроеніе мыслей и чувствъ поэта. Характеристика Кутузова представляется однѣ крупины, могучія черты. Ими рисуется Кутузовъ какъ великий полководецъ, могущественный «стражъ» отечества, «остальной» изъ «Екатерининскихъ ормъ», т. е. изъ числа тѣхъ геніальныхъ сотрудниковъ великой Государыни, которыхъ имена наѣхки первыя чину связаны съ ея царствованіемъ. Наконецъ, Кутузовъ названъ спасителемъ отечества въ страшную годину испытанія Россіи, т. е. во время нашествія на нее Наполеона въ XII году. Воспоминаніе объ этомъ событии проникнуто глубоко патріотическимъ чувствомъ. Слѣдѣтъ всего оно выразится въ словахъ: «Въ шкоемъ гробу восторгъ живъ». Въ прозаическомъ перевѣдѣ это выраженіе значитъ: могила Кутузова напоминаетъ всякому истинно-русскому человѣку такія воззванныя движенья народнаго чувства и народной силы, которая въ душѣ патріота—и даже, вообще, въ душѣ каждого просыпшагося человека—естественно называются восторгъ. Это по объему небольшое лирическое стихотвореніе вполнѣ заслуживаетъ названіе художественной оды, какъ по сильному, патріотическому содержанію, такъ и по сильной, сжатой, высоко-поэтической рѣчи.

Вновь я посыпалъ («Онѣть на родинѣ»). 1835 г. Въ этой алегіи поэтъ съ любопытствомъ припоминаетъ разновременные прѣѣды словъ въ селе Михайловскомъ, тихое, уединенное житѣе съ своей старушкой-нанией, цѣльбой душевной

нокой послѣ шумного съвѣта и тяжелой жизненной борбы. Пушкинъ описываетъ дорогое ему село такъ, какъ будто наѣхки прощаются со всѣмъ, что ему такъ мало, что тамъ имъ прожито. Чувство поэта сообщаетъ такой сердечный тонъ всей алегіи, что самые незначительные предметы являются подъ его перомъ изъ поэтическому съвѣту. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ мѣстъ стихотворенія:

На границѣ
Владѣй дѣдовскій, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна поодаль, лѣвъ другія
Другъ къ другуѣ близко. Здѣсь,
когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при съвѣтѣ
лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ широкъ ихъ бер-
шинъ
Меня привѣтствовали. Но той до-
рогѣ
Теперь побѣхъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; они все тѣ же,
Все тѣ же ихъ знакомый слуху
широкъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ никогда все было пусто, голо,
Теперь юная роща разрослась,
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ тѣшною имъ, какъ дѣти. А ідти

Стоить одинъ угрюмый ихъ това-
рищъ,
Какъ старый холостякъ, и кругомъ
нега
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Ушику твой могучій, подній воз-
растъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой
внукъ
Услышитъ ванъ привѣтный шумъ,
когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаюсь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полни,
Пройдеть онъ мимо часъ во мракѣ
ночи
И обо мнѣ вспоминать.

Подъ конецъ жизни Пушкина въ немъ особенно развилось религиозное настроеніе мыслей. Отголоскомъ этого настроенія служитъ *Молитва*, написанная имъ въ 1836 г. Это—поэтическій пересказъ известной молитвы Ефрема Сириня:

Отцы-пустынники и жены пеноочки,
Чтобъ сердце мое возлетѣть во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь долянъ бурь и битъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ мены не умѣляетъ,
Какъ та, которую сияющій повторяетъ
Во дни печальныя великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падаю съѣжгть вѣздомою силой:
«Владыко днѣ моихъ! Духъ праздности ушлой,
Любовачація, знати сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей,
Не дай мнѣ зрять мои, о Боже! прегрешенія,

Да братъ мой отъ меня не примѣтъ осужденья;
И духъ смиренія, терпінія, любви
И щѣлумудрія миѣ въ сердцѣ ожин!

Первая часть стихотворенія до слоія: *Владимѣкъ дній монха*, раскрываетъ душевное состояніе автора и, кроме того, прямо выражаетъ его убѣжденіе, что молитва вообще возынаетъ мысли и придаетъ сердцу мужество для жизненной борьбы.

Особенно значительна стихотвореніе—*Памятника*, 1836 г. Въ немъ самъ поэтъ отчетливо опредѣляетъ значеніе своей поэзіи, а имѣеть съ тѣмъ— и свое собственное мѣсто въ Исторіи русской литературы. Пушкинъ сознательно глубокое, сильное и не только национальное, но и общечеловѣческое значеніе поэзіи. Онъ говоритъ: «И славенъ буду я, доколь въ подлинномъ мѣрѣ жить будеть хоть одинъ піять». Но въ особенности онъ останавливается на национальномъ значеніи—

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки польче для пѣсенъ я обрѣть,
Что въ мой жестокій вѣкъ воззвалъ я свободу
И милосердіе воспѣть.

Первый стихъ, прямо опредѣляетъ *народность* поэзіи Пушкина, т. е. близость ея къ народному духу, къ народному смыслу и чувству, какъ по выбору предметовъ, такъ и по обработкѣ ихъ, и по самой рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, мало кто изъ нашихъ писателей въ тиѣхъ мѣрѣ, какъ Пушкинъ, близко стоялъ къ действительной русской жизни. Поэтому-то онъ болѣе всѣхъ имѣлъ право сказать о себѣ, что онъ служилъ *народу*, что былъ поэтомъ *народнаго*.

Пушкинъ имѣаетъ себѣ въ заслугу разнообразіе художественныхъ формъ своего творчества для выраженія сильного и прекрасного содержанія, взятаго изъ родной, русской жизни. Еще большему заслугу его поэзіи являются идеалы, которымъ онъ неизмѣнно служитъ, и духъ или направление, въ которому поэтъ высказывается о любимыхъ своихъ предметахъ. Этого духа его поэзіи на читателя любой национальности оказываетъ глубоко-воспитательное, облагораживающее вліяніе, а на читателя русскаго— особенно сильное вліяніе. Послушная единству «сельнику Божью», музѣ Пушкина вдохновляется только тѣчно высокими и прекрасными идеалами нѣры, добра, патріотизма, чести и любви. Такимъ образомъ, содержаніе и духъ его поэзіи, уже сами по себѣ, составляютъ полный працды и значенія, живой адементъ въ его творчествѣ. Но къ этому единому цѣльному содержанію присоединяется еще бесконечное разнообразіе, картиности, музыкальности и изящество его стиха. Слѣдовательно, въ поэзіи Пушкина сошлись, слились въ одно нераздѣльное цѣлое сила содержанія и прелесть формы. Алмазный стихъ пушкинскій есть сочетаніе силы и красоты.

7. ПУШКИНЪ.

Содержание: Разборъ поэмъ: *Кавказскій пленникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыганы*.— Общее замѣченіе о нихъ сравнительно съ *Русланомъ* и *Людмилой*.— Содержаніе, идеи.— Характеристика главныхъ действующихъ лицъ.— Достоинства и недостатки этихъ поэмъ.

Поэмы: *Кавказскій пленникъ* (1821 г.), *Бахчисарайскій фонтанъ* (1822) и ² *Цыганы* (1824) написаны въ изгнаніи, въ южной Россіи. Въ этихъ поэмахъ отразилось влияніе какъ самой ссыпки, такъ и оригинальность и красота южной природы и обитателей Кавказа, Крыма и Бессарабіи. Въ созда-

Александръ Пушкинъ

иийже геройъ этихъ поэмъ отзыается, слышится степень вліянія Байрона, отъ которого Пушкинъ въ это время (какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ) «съ ума сходилъ». И по содержанію, и по обработкѣ его, и по самому стиху— эти три поэмы представляются произведениями гораздо болѣе зрѣльми въ художественномъ отношеніи, нежели лирическая его поэма. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что отъ появленія *Руслана и Людмилы* (1817—1820) до

Кавказского певчника времени прошло немногого, всего один годъ. Въ *Русланъ* содержание взято изъ мира сказочнаго, фантастического, а въ этихъ поемахъ — изъ жизни действительной; тамъ поэты дасть обозр., неопредѣленныи описаний неизвѣстно какой страны, тутъ же явятся черты природы мѣстной, которую легко узнать; тамъ действующія лица чуть обрисованы чертами общечеловѣческими, тутъ же личности очерчены гораздо яснѣе и между ними попадаются уже наброски мѣстныхъ типовъ; певчесецъ, въ *Русланъ* разскажетъ хотя игристый и блестящий, но безсвязный и беспѣльный, а въ этихъ поемахъ разскажетъ разнѣется послѣдовательно, поэты пытаются выразить въ поемѣ известную идею.

Браткое содержание этихъ поэмъ слѣдующее:

Кавказскій пѣвчникъ — молодой человѣкъ, онъ наскучилъ суетою большого свѣта, покидаетъ его, ищетъ природы, оставляетъ родину и «съ веселымъ призракомъ свободы» летитъ въ далекій край. Здѣсь, вместо свободы, онъ попадаетъ въ пленъ къ горцамъ. Въ плену онъ наблюдаетъ праны горцевъ и природу Кавказа, а разводушеніемъ своимъ ко всѣмъ въ всему удивляетъ самихъ черкесовъ и мучить сердце преданной ему черкешенки. Въ одинъ изъ набѣговъ, когда аулъ опустѣлъ, черкешенка расплакала цыпнаго пѣвчника, сама съ горя утонула въ рѣкѣ, а пѣвчникъ благополучно достигъ русскаго стана.

Въ *Багдисарайскомъ фонтанѣ* главный герой — ханъ крымскій, Гирей. Онъ изображенъ угрюмъ и раздражительнымъ. Его не радуетъ власть, не тѣшитъ раболѣбство его слугъ, а все это оттого, что онъ не можетъ дождаться взаимности молодой пѣвчницы, Маріи, которая случайно вошла къ нему въ гаремъ. Зарема, любимая жена Гирея, забыта. Марію мучатъ и преслѣдованія хана, и решившая злоба Заремы. Смерть спасаетъ ее отъ этого двойнаго бѣдствія. Ханъ, подозрѣвши Зарему въ смерти Маріи, велитъ ее утопить, а самъ, съ отчаянія, разоряетъ «Кавказу близкія страны и села мирной Россіи».

Въ *Пытанахъ* герой — разочарованный юноша Алеко. Его тѣшитъ «неволя душныхъ городовъ». Онъ покидаетъ ихъ и спѣшитъ въ Бессарабію, къ тамошнимъ цыганамъ. Здѣсь онъ однакоже себѣ свободы не находить, а самъ винить трезогу и почаль въ полулискую жизнь цыганъ. Грубая пытаница, Земфира, къ которой онъ на время привязался, покидаетъ его. Искатель природы и свободы кончаетъ тѣмъ, что убиваетъ и Земфиру, и своего соперника. Старикъ-цыганъ уличаетъ Алеко въ своекорыстіи и злости и говоритъ ему:

Ты не рожденъ для дикой дали,
Ты для себя лишь хочешь воли.

Таборъ не хочешь, дольше оставаться съ убійцей и покидать свое кочевые.

Характеры главныхъ героевъ въ этихъ трехъ поемахъ все еще недокончены, отличаются сочиненностью, искусственностью. Такъ, о пѣвчнике узнаешь изъ самой поэмы, что онъ началъ жизнь безъ заботъ, съ какими-то гордыми мечтами; что много любилъ и однакоже въ бурной жизни утратилъ радости, въ сердце его ушло; еще узнаешь, что онъ

Въ сердцахъ людей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ!

Дѣло, что, наскучивъ свѣтской суетой и лицемѣріемъ, онъ покидаетъ родину и летитъ въ далекій край за чѣмъ-то лучшимъ; но въ этомъ краю не находить своему сердцу никакой отрады.

Онъ ждетъ, чтобы съ сумрачной зарей
Погасъ начальной жизни пламень,
И жаждеть сѣни гробовой.

То есть — говорятъ просто, онъ уже не ждетъ отъ жизни никакой радости и съ отчаяніемъ хочетъ умереть. Даже искрення, горячая любовь черкешенки не можетъ согрѣть его души. Все это говорится о пѣвчнике; но изъ этого никакъ не видно причины его равнодушія ко всему въ жизни, а потому и неизвѣстно: какъ смотрѣть на пѣвчника, какъ понимать его? Сочувствовать ли его тоскѣ или, просто, считать его человѣкомъ нравственно-слабымъ, который растратилъ свои силы въ пустыхъ забавахъ жизни? Въ признаніяхъ черкешенки пѣвчникъ говоритъ, что его тоска и уныніе безконечны, потому что его преслѣдуетъ призракъ женщины, которая когда-то отбыла холоднотою на его чувство. Болѣе вѣръ въ поэмѣ никакихъ объяснений: о чѣмъ именно юноша горделиво мечталъ, чѣмъ именно выражалась его любовь къ людямъ, въ чѣмъ именно заключались бури его жизни, при какихъ именно обстоятельствахъ онъ могъ хорошо узять людей и разочароваться въ нихъ? Если же вѣръ въ причины разочарованія, тоски и унынія сводится къ тому, что одна женщина отбыла когда-то холоднотою на его чувство, то это настальга героя далеко не въ идеальномъ смыслахъ. Напротивъ: приходится думать, что онъ человѣкъ-жончъ, мелкій, неспособный вызвать сочувствие читателя. Самая безнадежность его положенія не понятна. Самъ авторъ сознавалъ несостоитѣльность своего героя, но прибавлялъ при этомъ: «люблю его, не знаю за что; въ немъ есть стихи моего сердца». Что касается до идеи этого *Пѣвчника*, то авторъ сказалъ объ этомъ такъ: «я хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту премедорожненную старость души, — оглушительную черту молодежи XIX вѣка».

Гирей, какъ характеръ, еще менѣе опредѣленъ и понятенъ, чѣмъ *Кавказскій пѣвчникъ*. Поступки хана таковы, что въ нихъ совсѣмъ нельзя узнать татарскаго хана. Шѣхнаго его чувства къ Маріи не къ лицу восточному десноту, а тоска и отчаяніе по смерти Маріи по крайности романтичны. Чушинъ впослѣдствіи смѣлся надъ тѣмъ мѣстомъ поэмы, гдѣ разскаживается, какъ шѣхнаго татарина

— Часто изъ сѣачахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаху
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядѣть съ безумiemъ вокругъ,

Бѣднѣть, будто полны страха,
И что-то шепчетъ и порой
Горючи слезы лить рѣкой.

Разочарование Алеко несолько понятѣе. Этотъ герой объясняетъ, что онъ покинулъ свѣтъ не безъ причинъ и не жалѣтъ «о неволѣ душныхъ городовъ».

Гдѣ люди въ кучкахъ за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни венчикъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонять,

Торгуютъ воемъ своей,
Глазы предъ идолами клонять
И просить денегъ да цѣней.

Впрочемъ, характеръ самого Алеко еще не сложился. Онъ произносить сильные слова, но сильныхъ и хорошихъ поступковъ у него не видно. Такъ, Алеко обвиняетъ общество людей въ эгоизмѣ, а самъ является среди цыганъ также эгоистомъ и даже злодѣемъ. Старикъ-цыганъ ему говоритъ:

Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Но жить съ убийцей не хотимъ.

Во-вторыхъ, Алеко презираетъ душную городскую цивилизацию, а удовлетворяется тѣмъ, что водить по деревнямъ медведя и распѣвать пѣсни подъ его плашку.—Есть въ поэмѣ *Цыганъ* одинъ характеръ очень привлекательный. Это—старикъ, предводитель табора. Онъ привлекательенъ свою искренностью, простотой и поэтическимъ чувствомъ, съ какимъ онъ разсказываетъ преданіе обѣ Овидіи. Въ разсказѣ старика прежде всего замѣчательна руководицая мысль, именно—о томъ, что свобода часто бываетъ не по силамъ тому, кто привыкъ къ нѣй. Весь свой разсказъ обѣ изгнаникѣ-поэтъ старикъ повѣль имѣнно для того, чтобы Алеко могъ почувствовать, что «къ заботамъ жизни бѣдной», хотя и свободной отъ городскихъ стѣнъ, призынуть не легко. Въ простосердечномъ разсказѣ старика еще замѣчательно то мѣсто, гдѣ онъ трогательно передаетъ тоску изгнаника по родинѣ. Наконецъ, въ самомъ изображеніи характера поэта представляются черты очень симпатичныя: изнѣрмѣрь, душевное нездобѣ, «дивный даръ пѣсенъ», голосъ «шуму водъ подобный», т. е. сильный и выразительный, искусство пѣвать людей разсказами и глубокая привязанность къ родинѣ. Фантазія Пушкина изукрасила разсказъ старика до такой степени, что предводитель цыганского табора самъ является въ идеальномъ свѣтѣ: и поэтомъ, и философомъ. Само собою разумѣется, что такія данныхъ чрезмѣрно превышаютъ умственное и художественное развитіе какихъ бы то ни было кочующихъ цыганъ.

Женскіе характеры въ этихъ поемахъ гораздо удачнѣе мужскихъ. Въ изображеніи ихъ Пушкинъ не юсольгъ искусственной разочарованности, оттого женскіе характеры вышли проне и понятіе. Всѣ героини обрисованы преимущественно со стороны чувства и различныхъ его проявленій: то въ видѣ безпредѣльной преданности любимому человѣку, какъ въ черкешенкѣ;—то въ видѣ пылкой ревности, какъ въ Заремѣ;—то въ видѣ тихой набожности и христіанской покорности, какъ въ образѣ пѣтицы Маріи. Особенно черкешенка и Марія изгнаны читателямъ нѣжностью своего чувства. Образъ черкешенки съ любовью обработанъ поэтомъ. Искренность и нѣжность черкешенки подкуплютъ читателя совершенно въ ея пользу. Даже не хочется останавливаться на несообразностяхъ въ ея отношеніяхъ къ пѣтицѣ; какъ, напримѣръ, могла развиться такая сильная страсть къ гиуру, да еще разводушному? Гдѣ научилась черкешенка такому изящному выраженію чувства: «Ужель пыткѣ погибла радость? Понятны мнѣ твои страданья» и т. п.

Лучшія мѣста въ этихъ трехъ поемахъ тѣ, въ которыхъ великій художникъ рисуетъ природу Кавказа, Крыма и Бессарабіи, працы и обычай мѣстныхъ жителей. Въ этихъ художественныхъ картинахъ мѣстной природы и мѣстныхъ людей заключается живое отраженіе впечатлѣній, которыхъ природа производить изъ душу человѣка. Лучшія въ этомъ отношеніи мѣста слѣдующія: въ *Кавказскомъ пѣвчникѣ*—описаніе горъ, горной грозы, военныхъ упражненій черкесовъ и ихъ доказанія житія; въ *Бахчисарайскомъ фонвизинѣ*—характеристика польской книжны, пѣвчаны Гирея, описание самого Бахчисарайскаго ханскаго дворца; въ *Цыганахъ*—описаніе цыганскаго вечея и разсказать старика о пѣвчникѣ-поэте (т. е. обѣ Овидіи).

8. ПУШКИНЪ.

Содержаніе: Разборъ *Евгения Онѣгина*.—Краткое содержаніе каждой главы романа.—Характеристика главныхъ действующихъ лицъ.—Художественное и общественное значеніе этого романа.

Романъ *Евгений Онѣгинъ* начать въ 1823 году, а кончить въ 1831, създовательно Пушкинъ поработалъ надъ нимъ лучшіе годы, полныя разнообразной и живой дѣятельности.

Сочиненіе это стоитъ гораздо выше всѣхъ предшествовавшихъ пушкинскихъ поэмъ, уже потому одному, что въ этомъ романѣ выведена русская жизнь, именно—жизнь дворянскаго сословія двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Романъ состоитъ изъ восьми главъ (первая издана въ 1825 году, послѣдняя—въ 1832 году). Вотъ краткое содержаніе каждой.

Въ 1-й главѣ разсказать о воспитанії Евгения, подъ руководствомъ мѣнѣнгъ Т'Аббѣ; о томъ, съ какимъ запасомъ образования онъ вступилъ въ жизнь; какъ проводилъ онъ свои дни и ночи въ вихѣ столичныхъ развлечений, какъ разстанная жизнь ему надобна и онъ не зналъ, что съ собою дѣлать отъ скучи; но тутъ подоспѣло извѣстіе о смерти дади,—и Онѣгинъ отправился въ деревню получать наслѣдство.

Въ 2-й главѣ описаніе деревни Онѣгина, первая его попытка заняться хозяйствомъ и устройствомъ своихъ крестьянъ, знакомство съ сестрами, съ которыми, впрочемъ, весьма скоро и черезъ-чуръ безцеремонно Онѣгинъ прекращаетъ знакомство. Сближеніе Онѣгина съ молодымъ пѣвцомъ Ленскимъ, который только-что возвращался изъ-за границы, гдѣ онъ учился въ Геттингенскомъ университетѣ. Они часто видятся и становятся—«отъ дѣлать-ничего»—друзьями. Ленскій часто бываетъ въ сосѣднемъ семействѣ Ларинихъ, гдѣ двѣ красильны дочери: Татьяна и Ольга. Ольга—племянница Ленскаго. При этомъ авторъ даетъ характеристику обѣихъ сестеръ.

Въ 3-й главѣ разсказано о томъ, какъ Ленскій ввелъ друга своего, Онѣгина, въ домъ Ларинихъ; какъ Онѣгинъ очаровалъ Татьяну; какъ чувство быстро выросло въ ея душѣ, какъ она призналась своей доброй пѣтѣ и няни должна была помочь Татьянѣ переслать Онѣгину ея письмо. Въ этомъ письмѣ Татьяна довѣрчиво открыла передъ Евгениемъ свою душу. Слѣдуетъ томительное ожиданіе отвѣта и—внезапная встреча съ Онѣгинымъ въ саду.

Въ 4-й главѣ заключается объясненіе Онѣгина съ Татьяной. Татьяну поразили его рѣчи. Она ихъ выслушала сквозь слезы. Послѣ этого она приказала къ нему еще смыѣ, но должна была скрывать свое чувство глубоко въ сердцѣ. Татьяна страдала. Въ противоположность страданію Татьяны, въ этой же главѣ рисуется картина изыяннаго счастья Ленскаго и Ольги. Затѣмъ—рассказъ о деревенской житѣ Онѣгина. Описывается одно изъ свиданій двухъ друзей. Послѣ обѣда, у каминя, они долго разговариваютъ про ссѣдокъ и сбираются бѣхать къ нимъ на имѣніи Татьяны.

Въ 5-й главѣ заключается прекрасное описание русской зимы и святочныхъ гаданій. Гаданіе и сонъ Татьяны. Описание иманинаго обѣда и бала. Онѣгинъ досадуетъ, что пошагъ въ шумное общество и сердится на Ленскаго за то, что тотъ его обманулъ, уѣхавъ, будто у Лариныхъ собирается только «свои семья». Онѣгинъ, чтобы досадить въ свою очередь Ленскому, показываетъ видъ, что интересуется Ольгою. Ленскій возмущенъ. Онъ уѣзжаетъ съ твердой рѣшимостью вызвать Онѣгина на дуаль и дѣйствительно посыпаетъ ему паконъ.

Въ 6-й главѣ Ленскій передъ дуалемъ забѣгаєтъ къ своей вѣрѣ, но не имѣть силъ напомнить ей извѣршенній случай и разстается съ нею съ твердымъ намѣреніемъ быть ей спасителемъ отъ свѣтскихъ искушений, т. е. отъ Онѣгина. Затѣмъ следуетъ описание дуали и смерти Ленскаго. Оканчивается глава длиннымъ отступленіемъ, въ которомъ авторъ выражаетъ сожалѣніе о преждевременной погибели поэта и высказываетъ различные предположенія о томъ, что могло бы выйти изъ Ленскаго, еслибы не пуша Онѣгина.

Въ 7-й главѣ разсказъ о томъ, какъ Ольга скоро уѣхала, пѣтълась уланомъ и вышла за него замужъ; какъ Татьяна грустила, особенно, когда осталась одна и какъ въ душѣ ея прежнее чувство укрывалось все больше и больше. Разъ, во время гуашни, Татьяна началино заплахъ въ деревню Онѣгина, который послѣ дуали покинулъ эти мѣста и отправился путешествовать. Татьяна захотѣлось заглянуть въ кабинетъ Онѣгина. Сердце ея сильно билось при видѣ его книгъ, въ которыхъ она нашла много дорогихъ для нея замѣтокъ Онѣгина. Незамѣтно углубляясь Татьяна въ чтеніе этихъ книгъ и этихъ замѣтокъ и по нимъ стала объяснять себѣ характеръ Евгения. Даѣтъ описывается безвѣностю родныхъ Татьяны и догадки ихъ о томъ, где кроется причина грусти и видимаго нездоровья Тани. По совету опытной родственницы рѣшено бѣхать изъ зимы въ Москву, «на ярмарку пѣсть», чтобы тамъ выдать Татьяну замужъ. Описание побѣзки, даѣтъ—впечатлѣніе Москвы, новая для Тани анатомія, но она непрежнему грустна и несообщительна. Мысли ея стремятся въ деревню, гдѣ она провела свое детство.

Въ 8-й главѣ описание великосѣтскаго раута и неожиданное появленіе на немъ Онѣгина, прямо изъ-за границы. Тутъ Онѣгинъ узнаетъ, что Татьяна Ларина вышла замужъ за его друга, старого князя Н. Вспоминанье ли прошлаго, новая ли, величавая красота княгини, или значительная прямѣсь щекъ, или все это вмѣстѣ, но только Онѣгинъ преслѣдуєтъ княгиню, счастливъ, ежели чѣмъ-нибудь можетъ увлечь ея. Онѣгинъ пишетъ ей памятное письмо, хотя Татьяна, при встрѣчѣ съ нимъ, не подала ему ни малѣшаго повода къ возобновленію прежнихъ отношеній. За первымъ письмомъ

Онѣгинъ пишетъ другое и третье. Отъѣта нѣть. Онѣгинъ страдаетъ, не выходить изъ кабинета. Наконецъ онъ рѣшаетсяѣхать къ Татьяне просить объясненія, застаетъ Татьяну одну. Татьяна кротко, но съ достоинствомъ, выговариваетъ ему за прошлое и рѣшительно просить оставить ее и не беспокоить своими ухаживаньями. Въ эту минуту входитъ князь... Евгений въ ужасномъ смущеніи. И въ эту «злую для него» (какъ говоритъ авторъ) минуту обрывается разсказъ. Въ послѣдніхъ строфахъ 8-й главы Пушкинъ обращается къ читателю, желаетъ ему найти въ этомъ романѣ «хотя крупинку» мыслей, чувствъ, впечатлѣній. Затѣмъ авторъ «по-приятельски» прощается съ читателемъ и съ глубокой признательностью разстается съ 8-ми лѣтнимъ своимъ трудомъ, въ которому онъ испыталъ много чѣмъ-либо наслажденій.

Главныи дѣйствующии лица въ романѣ: Евгений, Ленскій, Татьяна и Ольга.

Евгений—типическое воспроизведеніе дворянской нашей молодежи начала нынѣшняго столѣтія. По своему общественному положенію, богатству, природнымъ способностямъ—онъ могъ бы широко воспользоваться тѣми дарами, какими надѣлила его природа, и тѣми удобствами, какими его обставили случайные обстоятельства, т. е. дворянское происхожденіе и богатство. Но онъ или не воспользовался. Важнѣйшая тому причина заключалась въ поверхностномъ, пустомъ образованіи и воспитаніи Онѣгина. Ни падаше, которая «занимъ ходила», ни Monsieur l'Abbé «убогій» не могли дать ему лучшаго воспитанія, да въ то время понятія дворянскаго «свѣта» объ образованіи были очень истребовательны, не то, что теперь. Пушкинъ говоритъ, что когда общество увидѣло, что Онѣгинъ оstriженъ по послѣдней модѣ, одѣтъ какъ лондонскій dandy (т. е. щеголь), и совершился изъясняется въ гостиныхъ по-французски, кланяется неизрѣдѣнно въ лѣво танцуя мазурку, то рѣшилъ, что молодой человѣкъ «уменъ и очень милъ». Значитъ, по тогдашнему, все образованіе и воспитаніе заключалось въ томъ, чтобы усвоить вѣнчанія изыянныя манеры, по виду быть похожимъ на europейца. Что это не случайна, а типическая черта того времени, видно изъ словъ Пушкина: «мы «съ учеными и понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Онѣгинъ всего зналъ понемногу: и латыни, и исторіи, и поэзіи, и политической экономіи. Кромѣ того:

Имѣть онъ счастливый талантъ,
Безъ принуждены въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ учеными видомъ знатока

Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ незданныхъ энграамъ.

При такой поверхностной воспитательной подготовкѣ Евгений, разумѣется, не могъ глядѣть правильно на дѣйствительную жизнь, т. е. не могъ понять, что эта жизнь есть для человѣка ширинѣ разнообразныхъ трудовъ и обязанностей, гдѣ къ болѣе тѣсному кругу, т. е. семейному, такъ и въ болѣе широкомъ, т. е. общественному, гдѣ въ области ремесла, науки и искусства, такъ и въ области различныхъ отраслей государственной службы. Онѣгинъ вовсе не задается такими мыслями. И въ начальѣ романа, и даѣтъ, и вѣдь мы видимъ, что Онѣгинъ глядѣтъ на жизнь, какъ на предметъ для наслажденій или но-

крайней мѣрѣ пріятныхъ развлечений. Онь очарована смѣскимъ блескомъ, жадно бросается на удовольствія и, какъ всегда бываетъ съ людьми, отъ природы не пустыми, скоро наживаетъ себѣ пресыщеніе, скучу, разочарованіе, хандру бездѣлья. Къ чести Евгенія надо сказать, что онъ тяготится этимъ положеніемъ и не разъ пытаются избавиться отъ скучи: пробуетъ читать, принимается за перо, но упорный трудъ ему не по силамъ, Евгений къ нему не привыкъ, изъ-подъ пера его не выходитъ ничего дѣлнаго, конечно, оттого, что нечего ему писать. Потомъ Онѣгінъ зарывается въ книгу, читаетъ, читаетъ, но все безъ толку, и бросаетъ книгу. Такъ въ разладѣ самъ съ собою онъ и остается въ продолженіи романа. Въ Онѣгінѣ какъ будто два лица: одно—просто человѣкъ, но природѣ добрый и способный; другое—отраженіе безтолковой тогдашней дворянской жизни. Какъ человѣкъ, Евгений старается облегчить жизнь своихъ крестьянъ; охотно и радушно сближается съ Ленскимъ; донърчиное посланіе Тани живо его трогаетъ и онъ отбѣгаетъ ей искренно и честно, хотя и не понимаетъ потребности золотой души. Какъ жертва поверхностнаго воспитанія и нестройной общественной жизни, Евгений недоучка, рабъ сѣйскихъ условныхъ прынцій, къ труду неспособенъ, въ жизни видитъ однѣ потѣхи и развлеченья; на языокъ друга Ленского отбѣгаетъ, что онъ *ассыа ютозъ*, и отбѣгаетъ такъ единственно потому, что опасается чыхъ-то пересудовъ. Наконецъ, тотъ же самый Евгений, который отверачивается отъ чистаго горячаго чувства Татыны, потомъ оскорбляетъ ее своими преслѣдованіями, изъ тщеславія, какъ будто только потому, что изъ бѣдной Тани она превратилась въ великосѣйскую книжину.

Въ лицѣ Ленскаго Пушкинъ хотя и вывелъ изъ некоторыхъ привлекательныхъ свойствъ натуры впечатлительной, но главнымъ образомъ остыть слабая сторона тогдашняго мечтательного романтизма. Молодой поэтъ хотя и учился въ гимназіи, университетѣ, но наука будто бы только коснулась Ленскаго, а не прошла къ нему въ душу, не сдѣлалась его существенною приваджаностью, не проинилась въ его дѣлахъ. Онь только разговариваетъ горячо, затѣмъ, красиво, но дальние разговоры онъ не идетъ; и въ дѣйствительной жизни, въ которой онъ былъ поставленъ по своему рожденію и воспитанію, Ленскій участія не принимаетъ. Много было у Ленскаго съ Онѣгиномъ бесѣдъ о договорахъ клятвъ минувшихъ, о плодѣ науки, добрѣ и злѣ, о *преобразудкахъ вѣковъ и труда тайнахъ роковъ*, но сомнительно, чтобы отъ этихъ бесѣдъ вышла какая-нибудь польза для обѣихъ сторонъ. И содержаніе въззіи Ленскаго мечтательно, безцѣльно, что видно изъ словъ Пушкина: «Онь пѣтъ раздужку и печаль, и *иначто*, и туманную даль, и романтическія розы». Свое изобличительное намѣреніе Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ (глава VI, строфа XXIII) высказываетъ еще болѣе рѣзко:

Такъ онъ писать *темно и оло*
(Что романтизмъ мы зовемъ,

Хоть романтизма тутъ не мало
Не вижу я; да что напиши въ томъ?)

Въ лицѣ сестеръ Лариныхъ типически выведены двѣ чисто-русскія дѣвушки. Онь во многихъ отношеніяхъ очень различны. Простосердечная, исклонительно веселая, голубоглазая Ольга представляетъ ватуру дѣвушки, незначительную по содержанію. Такіе люди, какъ Ольга, легко устраиваются въ жизни именно

потому, что не требуютъ отъ нея того, что она сейчасъ дать не можетъ. Такіе люди довольствуются готовою дѣятельностью. По своей малой содержательности, такія личности, какъ Ольга, не могутъ быть долго занимательными въ романѣ. Пушкинъ, рисуя Ольгу всомъзъ. Въ началѣ романа (глава II, строфа XXIII) онъ говоритъ о ней такъ:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ юношеская любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локонъ лъзящіе,

Дѣвчина, голось, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... Но любой романъ
Возьмите и найдете вѣрою
Ея портретъ: онъ очень миль;
Я прежде самъ его любилъ;
Но нацѣль онъ мнѣ безвѣрою.

Потомъ Пушкинъ еще кое-гдѣ упоминаетъ са простосердечный практъ и, въ конецъ, довольно насыщено (глава VII, строфа X) говоритъ о томъ, какъ скоро Ольга позабыла убитаго Ленскаго, пѣшилась и утѣшивалась ужиномъ.

И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ, Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Она стыдливо подъ вѣнцомъ Съ улыбкой легкой на устахъ.
Стоитъ съ поникшей головою,

О Татынѣ, напротивъ, авторъ говоритъ много, охотно, съ любопытствомъ обрисовываетъ ся натуру, обнаруживаетъ ея характеръ въ разговорахъ съ другими лицами и самъ старательно объясняетъ этотъ характеръ—то въ разсказахъ о ней, то разсужденіями въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ проходила жизнь Татыны.

Татына—натура богатая, исклечительная, способная къ разностороннему, глубокому развитію. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается причина, почему обѣ сестры были такъ мало одна на другую похожи, хотя и выросли изъ однихъ, и тѣхъ же условіяхъ въ деревѣ, на просторѣ полей, безъ влиянія иностраннѣхъ губернантокъ, при одной простодушной старушкѣ-нянѣ. Съ самого начала поэтъ рекомендуетъ Татыну совсѣмъ особыми чертами (глава II, строфа XXV):

Ни красотой сестры своей,
Ни склонностью ея румяной,
Не привлекла бъ она очей!
Дика, печальная, молчалива,
Какъ лапъ лѣсная боязливка,
Она въ семье своей родной
Казалась дѣвочкой чужой,

Она ласкаться не умѣла
Бѣ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ томъ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Далѣе онь прибавляетъ, что даже въ дѣтскіе годы Татыно занимали не куклы, не звонкій дѣтскій смѣхъ и шумныя игры, а природа, напримѣръ: лунная ночь, утренняя зара, звѣздное небо, луга, лѣса, дальняя прогулки въ рощѣ и т. п. Рано пристрастилась Татына къ чтенію, жадно читала романы въ сентиментальномъ родѣ. Ричардсонъ и Руссо привлекали ее больше, нежели пристрастительные люди, съ которыми она жила въ деревѣ. За недостаткомъ пра-

вильного образования, въ Татьяне испомѣрно развилось воображеніе. Плѣнительныя картины жизни въ сентиментальность вкушаютъ волновали ся сердце. Душа Татьяны настроилась такъ, что не могла довольствоваться готовою дѣятельностью, т. е. тѣмъ людьми, которыхъ видѣла въ домѣ своихъ родителей или встрѣчала у сосѣдей. Въ душѣ у неї составился идеалъ лучшаго человѣка — и по внешности, и по образованію, и по чувству. Она ждала такого человѣка. Когда судьба свела ее съ Онѣгінимъ, у Татьяны — по выражению Пушкина — «открылись очи. Она сказала: это онъ!» т. е. дамо желанный идеалъ. Внимательно, съ необыкновенною грацией и психологической выразительностью разсказываетъ читателю, какъ въ душѣ Татьяны развивалось искреннее чувство къ Онѣгину, какъ оно совершенно окладило ею и какъ, покинувъ этому чувству, она сначала стыдливо и неловко признавалась своей доброй инѣ, а потомъ эту же иню упросила отослать Онѣгину письмо. Въ этомъ письмѣ съ дѣтской искренностью въ глубокомъ чувствѣ Татьяна выражала ему тайну своей души, дала понять, какъ мало можетъ ее удовлетворить та дѣятельность, среди которой она и преждечувствовала себя чужою. Она писала между прочимъ:

Вообрази я здесь одна,
Никто меня не понимаетъ;

*Разсудокъ мой изнемоетъ
И могла гибнуть я должна.*

На это откровенное, полное вѣности признаніе послѣдовала отвѣтъ тоже откровенный, но холодный и съ отѣскомъ наставленія. Потомъ Татьяна должна была затаить въ душѣ свое чувство и по отѣздѣ Онѣгина (послѣ роковой дуали съ Ленскимъ) она могла питать это чувство только воспоминаніями, да изрѣдка постыденными усадѣбами Онѣгина. Тамъ она пересматривала его книги, подолгу размыслила надъ тѣмъ мѣстами, которыя какимъ-нибудь образомъ были имъ отмѣчены. Но этимъ отмѣткамъ Татьяна доискавывалась того, что особенно занимало Онѣгина, и такимъ образомъ болѣе и болѣе раскрывала себѣ разныя стороны его характера. Это занятіе доставляло пищу не только чувству, но и мысли Татьяны. Она вся сосредоточилась на одномъ своемъ любимомъ предметѣ. Родные стали не на шутку тревожиться ея вѣчной задумчивостью, неделимостью и рѣшили между собой, что Таню пора *пристроить*, т. е. выдать замужъ, а для этого поскорѣе перѣѣхать въ Москву «на ярмарку невѣсть» (глава VII, строфа XXVI). Въ этомъ мѣстѣ романа оканчивается наибольшая и самая занимательная часть романа. Въ этой части Татьяна раскрыта съ лучшей, существеннѣйшей своей стороны, какъ девочка мыслница, способная — при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ — принять серьезное участіе въ общественной дѣятельности и сдѣлаться преданнымъ, наѣжнымъ товарищемъ любимаго человѣка изъ жизненныхъ трудахъ. Во всѣхъ этихъ главахъ Татьяна постоянно привлекаетъ сочувствіе читателей своей безыскусственностью, сердечностью и въ особенности тѣмъ, что обстоятельства помышляли ей дождаться осуществленія своихъ забытыхъ, законныхъ, человѣческихъ идеаловъ. Въ остальной части романа Татьяна является жертвой вѣнчанихъ обстоятельствъ. Она должна подчиниться рѣшенію родни — бѣхать въ Москву, усвоить тамъ столичныя привычки; по указанію старшихъ же — выйти за старого генерала, т. е. сдѣлать выгодную партию, и наконецъ — навсегда

наложить на себя великосвѣтскую, величавую холодность и недоступность. Но даже и въ этомъ періодѣ жизни Татьяны поэзъ сохраняетъ въ ея характерѣ пѣкоторыя симпатичныя черты, по которымъ вспоминается прежняя деревенская Татьяна. Хочется вѣрить, что шумъ и блескъ столичныхъ собраний, говоръ и пересуды столичныхъ барышень занимаютъ Татьяну меньше, чѣмъ вспоминанія о милой деревенской простотѣ. Можно считать искренними тѣ мѣста посѣщеній бѣхѣды Татьяны съ Онѣгінимъ, где она всю окружавшую ее болѣдѣніе называетъ «ветошью маскарада» и съ любовью вспоминаетъ могилу своей матери, да еще — тѣ мѣста, где она въ первый разъ встрѣтилась съ Онѣгінимъ. Благодаря этимъ чертамъ, можно сказать, что Татьяна много нужно было нравственныхъ силъ, чтобы сохранить свое достоинство, остатся вѣрной долгу и съ торжествомъ выйти изъ борьбы съ собственнымъ чувствомъ.

Въ *художественномъ* отношеніи романъ *Евгений Онѣгинъ* замѣтителенъ:

- 1) богатствомъ поэтическихъ картинъ самого разнообразнаго содержанія; 2) множествомъ остроумныхъ, изящныхъ — то романтическихъ, то сатирическихъ — отступлений и вставокъ; 3) необыкновенною легкостью, гибкостью и музыкальной прелестью стиха. Изъ картинъ трудно выбрать; романъ отъ начала до конца представляетъ неизрѣдь рядъ подобныхъ, поэтическихъ изображений русской природы, русской современной жизни, преимущественно дворянскаго сословія, въ деревнѣ и въ столицѣ. Вирочемъ, особенно значительны слѣдующія мѣста: характеристика воспитанія Евгения, его столичнаго и деревенскаго образа жизни, характеристика Татьяны; сцена Таны съ матерью; письмо Татьяны; сонъ ея; имѣнья Татьяны; характеристика Ленскаго; первыя впечатлѣнія Москвы. — Изъ отступлений и вставокъ замѣтительны въ концѣ гл. I и въ началѣ гл. III — размышленія автора о поэтахъ вообще и о романѣ *Евгений Онѣгинъ* въ частности; въ гл. III — из每一天ка надъ тѣмъ, что русскій языкъ еще не удостоился войти въ обычай у русскаго дворянства и даѣть горячее заступничество автора за письмо Татьяны; въ гл. IV — сатира на родныхъ и на друзей вообще, а потомъ еще — на альбомы юдѣйскихъ барышень; изъ гл. VI — размышленія о преждевременной смерти Ленскаго, а далѣе — прощаніе съ собственной свою юностью и острая сатира на «мертвящее» вліяніе большаго сѣла; изъ началѣ гл. VIII — взглядъ на прежнія произведения собственной своей музъ, а изъ концѣ гл. VIII — прощаніе съ читателемъ и съ самимъ романомъ. Кроме того — еще отрывки изъ путешествія Онѣгина въ Нижній-Новгородъ, Астрахань, Крымъ, Одессу съ характеристикою этихъ мѣстъ.

Въ *общественномъ* отношеніи романъ *Евгений Онѣгинъ* замѣтителенъ, какъ блестящая, типическая картина помѣщичьей жизни полстолѣтія тому назадъ. Люди другихъ сословій въ этомъ романѣ затрагиваются только мимоходомъ, слегка, какъ пособія для обрисовки глазнаго предмета. Представителями старшаго поколѣнія здѣсь являются: дядя Онѣгина, родители Ларинихъ и ихъ московскія родственницы. Представителями младшаго поколѣнія являются: Онѣгинъ, Левскій, Татьяна и Ольга. Изъ сопоставленія двухъ поколѣній авторъ даѣтъ понять, что молодое все же значительно подвинулось впередъ въ своемъ развитіи. Старшее поколѣніе производило себѣ свой вѣкъ халатнымъ образомъ, въ деревнѣ, патріархально: мужчины между нею одотовъ и бранью со страстью или язвой, а женская половина — между сентиментальностью и

юности и безцеремонной грубостью къ двориѣ и даже къ собственному мужу въ зрѣлые годы. Младшес же поколѣніе читаетъ, учится, тяготится безцѣльною потѣхой жизни, стремится отыскать себѣ серьезную задачу, тревожится тѣмъ или другими идеалами; только не выработало еще изъ себѣ довольно характера: еще не уѣхѣть оно—вычитанное въ выученное приложитъ къ дѣлу и не ограничиваться одними словесными выраженіями своего недовольства прежними способами жизни.

9. ПУШКИНЪ.

Содержаніе: Разборъ Полтавы. Содержаніе. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Тонъ повествованія. Слѣдъ въ стихахъ.

Позма *Полтава* написана въ 1828 году. Пушкинъ выбралъ для своей поэмы весьма важный эпизодъ нашей истории, именно борьбу Петра Великаго съ Карломъ XII. Вокругъ этого главнаго событія располагаются въ поэмѣ всѣ остальные; и все въ этомъ сочиненіи складывается такъ, чтобы прославить личность Петра. *Полтава* раздѣлена на три части или письма и, кроме того, имѣеть небольшой эпилогъ. Въ *первой письме* описанѣе богатства Кочубея и драгоцѣннѣйшаго изъ его сокровищъ, именно, дочери его, Маріи; дальше слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ самъ Гетманъ послалъ за ней сватовъ, какъ вознегодовала мать Маріи на такой противозаконный поступокъ Мазепы; какъ Марію, конечно, съ ея же согласія, похитили и увезли къ Гетману; какъ оскорбленный Кочубей сталъ обдумывать планъ страшной мести. Здѣсь въ поэмѣ вставлена эпизодически разсказъ о томъ тяжеломъ времени царствования Петра, когда Россія напрягала всѣ свои силы, чтобы завоевать себѣ видное политическое положеніе въ Европѣ, внутри же укрѣпить введенную Петромъ цивилизацию. Даѣбе—о томъ, какъ глухо волновалась Украина во время нашествія Карла XII на Россію и досадовала, что старый Гетманъ боится граничить на Москву войной и отвоевывать Украину полную независимости. Даѣбе—о томъ, что Гетманъ хотя съ виду и казался покорнымъ слугою царя, но въ дѣйствительности лежаѣль планировать отъ Москвы и даже подготовлять союзъ съ Карломъ XII. Тутъ же приводится общая характеристика Мазепы. Этотъ весь эпизодъ введенъ изъ поэму съ цѣлью сдѣлать понятнымъ, на чѣмъ именно Кочубей строить планъ своей мести. Оказывается, что въ минуты откровенности гетманъ, бывало, отчасти довѣрилъ Кочубею свои замыслы, свои тайны надежды. Кочубей имѣеть съ товарищемъ своимъ, полтавскимъ полковникомъ Искрой, рѣшилъ донести царю, что лоярный гетманъ готовить измену, и такимъ образомъ—предать своего обидчика въ руки «налачей». Между тѣмъ Мазепа осторожно и хитро подготавливаетъ восстание въ южной Россіи и обозначиваетъ себѣ союзами съ Швеціей, Польшой и кругу Донскихъ казаковъ. Искусный дѣлюроизводитель гетмана, Орликъ, ловко ведетъ интригу. Пока Мазепа старательно готовитъ восстание Украины, доносъ Кочубея доставленъ государю; но Петру не вѣритъ: тѣмъ Мазепа умѣетъ притворной преданностью и смиренiemъ обольстить государя. Петръ принялъ доносъ за клевету и выдалъ доносчиковъ Мазепъ. Мазепа рѣшилъ казнить обоихъ. Марія ничего не знаетъ и даже ничего не подозрѣ-

ваетъ обѣ этихъ событіяхъ.—Во *второй письме*: сцена Маріи съ Мазепой. Марію мучитъ ревность; ей кажется, что гетманъ къ ней охладѣлъ, ей измѣнили; такъ рѣдко въ послѣднее время онъ ее ласкаетъ, такъ все время онъ въ разыѣдахъ, то съ старшинами, то съ какими-то таинственными польскими панами и іезуитами. Мазепа успокаиваетъ ея сердце тѣмъ, что открыть ей планъ почти совсѣмъ готоваго восстанія, въ концѣ котораго онъ надѣется сдѣлаться независимымъ государемъ Украины. Марія въ восторгѣ при одной мысли увидѣть своего гетмана и корону. Въ нормѣ безпрѣдельного увлечения, Марія даетъ понять, что Мазепа для нея дороже всего на свѣтѣ, дороже чести, матери, отца и родины. Слѣдуетъ сцена въ одной изъ башенъ замка, где въ заточеніи Кочубея размышляетъ обѣ предстоящей ему завтра смертной казни. Является Орликъ и требуетъ, чтобы Кочубея сказали, где у него спрятаны клады? Отвѣты Кочубея не удовлетворяютъ Орлика. Несчастного заключеннаго подвергаютъ новымъ пыткамъ.—Рано утромъ прокрадывается къ Маріи мать ея, умоляетъ дочь вступить за отца и вымолить ему прощеніе. Тутъ только въ первый разъ Марія узнаетъ семейное горе. Это извѣстіе такъ поражаетъ ее, что она сначала лишается чувствъ, а потомъ навсегда исчезаетъ изъ дворца Мазепы. Она имѣеть съ матерью появляться въ польѣ, сѣѣти къ мѣсту казни, но появляется уже «поздно», когда совершилась казнь несчастныхъ страдальцевъ за правду.—Въ *третьемъ письме* сначала притворная болѣзнь Мазепы, потомъ быстрое его выздоровленіе, лишь только Карль XII повернулся своимъ полкомъ въ Украину. Страшное негодованіе Петра, когда онъ увидѣлъ открытую измѣну Мазепы и созналъ свою несправедливость къ Кочубею. Энергическое движение русскихъ войскъ къ Полтавѣ. Затѣмъ—Полтавскій бой, торжество Петра и бѣгство Карла и Мазепы. Образъ несчастной и погибшой Маріи преслѣдуетъ Мазепу и мучить его совѣсть.—Въ эпилогѣ, сто лѣтъ спустя послѣ описанныхъ въ поэмѣ событий, вспоминается слава Петра, память Мазепы и несчастная участіе Кочубея, Искры и Маріи.

Изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ поэмы лучше всѣхъ очерчены Петръ и Марія. Образъ Петра повсюду величественъ и привлекательнъ. Художникъ мастерски идеализировалъ его и въ то же время умѣлъ сохранить при немъ отличительныя черты его характера: царь грозенъ, прозорливъ, онъ если вѣрить, то виновъ и безъ сомнѣній; въ бою за независимость и честь Россіи «онъ сияетъ, онъ прекрасенъ, онъ весь какъ Божіи гроза». Не менѣе прекрасенъ онъ и въ тѣхъ мѣстахъ, где онъ сидѣлъ торжествуетъ побѣду и поднимаетъ задранній кубокъ за учителей своихъ въ военномъ дѣлѣ. Во всей поэмѣ онъ произноситъ только слова: «За дѣло, съ Богомъ!» но въ этомъ вдохновленіи восклицаній выражается существенная оценка всего предпріятія Петра, т. е. борьбы съ Карломъ. Это дѣло должно было рѣшить огромной важности вопросъ: быть или не быть Россіи первою державою въ восточной Европѣ? Въ этомъ самомъ дѣлѣ именно и заключается тѣмъ важный предметъ, который всему сочиненію Пушкина придастъ значеніе исторической поэмы, т. е. поэтической картинѣ событій огромнаго государственного значенія. Въ характерѣ Петра выставляются еще иѣкоторыя привлекательныя черты. Когда онъ убѣдился въ изменѣ Мазепы и, съдовательно, увидѣлъ свою неволимую вину передъ Кочубеемъ и Искрой, онъ употребилъ всевозможныя средства для того, чтобы смягчить горе несчастныхъ семействъ и тѣмъ снять съ собственной души тяжелый гнетъ раскапанія.

Съ бреговъ пустынныхъ Елисей
Семейства Искры, Кочубея
Постыдно призваны Петромъ.

Оль съ ними слезы проливаются;
Оль ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.

Марія очерчена естественіе и помѣщъ всѣхъ другихъ лицъ поэмы. Ее мы видимъ въ три послѣдовательные періода ея жизни. Сначала — въ родительскомъ дому, потомъ — у Мазепы, наконецъ — помѣшанной скитающей. Во всѣ эти періоды Марія изображена различными чертами, соответственными времени и положенію лица. Въ описаніи Маріи въ первый періодъ мы ее узнаемъ прежде всего съ пагінной стороны. Она стройна, сѣйжа; ея красота блеститъ всею яркостью молодости и выразительности. Видно, что это такая красота, которая служить не одною только очаровательною формой, но въ то же время отражаетъ собою богатое внутреннее содержаніе. Не даромъ же старый Кочубей ею счастливъ, ею гордъ, ее ставить выше всѣхъ сокровищъ на землѣ. Уже изъ первою описаніи Маріи показываются иѣкоторыя существенные характеристическія черты: «вездѣ прославилась она девицей скромной и разумной», — отъ вѣнца «какъ отъ оконъ бѣзъ пятнъ пугливая Марія». Послѣ же сватовства Мазепы, въ характерѣ Маріи обрисовываются еще болѣе рѣзкія, сильныя черты. Негодованіе матери на Мазепу потрясаетъ Марію. Душа ея наполняется тревогой. Въ этомъ напряженномъ состояніи Марія ничего не говоритъ, но — очевидно, что въ душѣ ея зреетъ какое-то сѣмьёе рѣшеніе.

Отецъ и мать
Ей сердце индуть успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить...
Напрасно. Щѣые два дня,

То молчи плача, то стена,
Марія не плачетъ, не тѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла...

Во второй періодъ мы видимъ Марію въ дому Мазепы. Она совершенно счастлива, что осуществились желаныя ея сердца и жажды чести и значенія. Только одна печаль «омрачаетъ» ея душу:

Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать вообразляетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ

Въ бездѣтной старости однихъ,
И минется, печаль ихъ винимаетъ.

Безпрѣдѣльная ея привязанность къ Мазепѣ лучше всего видна въ той сценѣ, гдѣ она спачка ревнуетъ гетьмана къ книгѣ Дульской; но послѣ того, какъ Мазепа передѣлъ ей свои политическія замыслы и надежды, она не только успокаивается, но торжествуетъ при одной мысли, какъ Мазепѣ пристанетъ корона царская. Мастерски, въ концѣ этой сцены, изображена борьба въ душѣ Маріи двухъ чувствъ — любви къ отцу и любви къ Мазепѣ. Послѣдняя беретъ пересѣть. Такимъ образомъ, изъ характера Маріи чувство является преобладающимъ элементомъ. Въ постепенномъ развитии своемъ оно превратилось въ исключительную страсть. Передъ нимъ умолкли всѣ прочія чувства, во только до поры-до-времени. Въ этомъ убѣждаетъ насть обстоятельства послѣдніго періода жизни Маріи. Когда она узнаетъ отъ матери весь ужасъ

положенія семьи, она въ одинъ мигъ понимаетъ, изъ какой мѣрѣ она сама виновна въ этомъ бѣдствіи, и — тутъ рѣшимость ея выражается въ другомъ направленіи. Она бросается счасти отца. Не видно, какъ она намѣрѣвалась это сдѣлать, но видно ясно, что счастье ея разрушено, что дворянъ Мазепы ей стала ненавистна, что личное благополучие забыто, что въ душѣ ея энергически поднялись другіе, болѣе великодушные порывы. Въ сценѣ ея помѣшательства, въ беззвязныхъ рѣчахъ несчастной Маріи все же слышны слезы, ужасъ воспоминанія о томъ, какъ трагически сложились въ ея жизни обстоятельства, и она не выдержала ихъ удара, стала жертвой увлечений чувства.

Характеръ Мазепы раскрыть настолько, насколько и тому нужно было, чтобы рельефы выставить личность Петра. Съ этою цѣлью, Мазепа представлена злодѣемъ. Онь коваренъ, чертъ сердечъ, ни во чѣто не вѣришь, никого не любить, жестокъ, лукавъ, мстителенъ. Въ поэмѣ выясняются двоякаго рода отношенія Мазепы: во-первыхъ, — къ Петру, во-вторыхъ — къ Маріи. Въ отношеніи къ Петру, Мазепа до поры-до-времени злоупотребляетъ довѣріемъ государя, но подъ конецъ должна сознаться, что онъ былъ недалековиденъ въ своихъ расчетахъ и соображеніяхъ: что онъ просто ошибся, не соразмѣрилъ своихъ силъ. Это сознаніе высказывается Мазепой Орликомъ, наканунѣ Полтавской битвы:

Нѣть, вижу я, нѣть, Орликъ мой,
Поторопился въ некстати.
Расчетъ и дерзкій, и плохой,
И къ немъ не будетъ благодати.
Пронзала, видно, цѣль моя.

Что дѣлатъ? дѣлать я промахъ важный;
Ошибка въ этомъ Карлъ я;
Онь мальчикъ бойкій и отважный,
Но не ему вести борьбу
Съ самодержаниемъ великаномъ.

Слѣдовательно, вся хитрости Мазепы, вся изворотливость и осторожная политика разрѣшаются у него сознаніемъ своей опрометчивости и ошибки. — Въ отношеніи къ Маріи, иѣкоторыя свойства Гетьмана не волни согласны съ общую характеристикою, какую даетъ ему поэты. Такъ, напримѣръ, онъ къ Маріи нѣкако и сильно привязанъ. Въ той сценѣ, гдѣ Марія жалуется на его хамѣдность и ревнуетъ его къ книгѣ Дульской, Мазепа до такой степени къ сердцу принимаетъ эту жалобу, что говоритъ Маріи: «Покой души твоей мѣрѣ дорогъ; такъ и быть, узнай». И тутъ онъ открываетъ ей свою задушевшую тайну, т. е. планъ восстанія Украины; и онь рѣтъ, что разсѣялъ сомнѣніе и тревогу своей Маріи.

Кочубей, хотя лицо второстепенное въ поэмы, но привлекательно музыкальными и сердечными чертами своего характера; напримѣръ — иѣкакою любовью къ дочери, настойчивостью въ изображеніи Мазепы и избѣжной покорностью Пронидѣнію, наканунѣ смертной казни. Его нравственная личность совершенно выясняется въ сценѣ съ Орликомъ.

На требование Орлика указать, гдѣ зарыты клады, Кочубей даетъ таѣй отвѣтъ, изъ котораго видно, что все свое счастье онъ полагаетъ въ свою честнѣмъ имени и въ любви къ своей дочери.

Такъ не ошиблись мы, три клада
Въ сей жизни были мѣрѣ отрады,

И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ выѣхалъ отнязъ;

Другой былъ кладъ незвратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожаю...
Мазена этотъ кладъ укрыла;

Общее впечатлѣніе, производимое Кучубеемъ на читателя, таково, что незаслуженными своими страданьями онъ постоянно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе читателя.

Тонъ повѣстований въ поэмѣ *Полтава* не вездѣ ровный, эпической. Это часто смыкается драмой и даже лирикой. Къ драматическимъ мѣстамъ принадлежать: начало второй пѣсни — объясненіе Маріи съ Мазеной, допросъ Бочубея Орликомъ въ тюрьмѣ, разговоръ матери съ Маріей незадолго до казни Бочубея; въ третьей пѣсни — разговоръ Мазены съ Орликомъ наканунѣ Полтавской битвы и — Маріи съ Мазеной во время бѣгства послѣдняго. Къ лирическимъ вставкамъ относятся, напримѣръ, размышленія автора: 1) о силѣ чувствъ въ сердцѣ человѣка въ разныя возрасы; 2) о той тяжелой порѣ, когда Россіи, во времена Петровскихъ преобразованій, приходилось напрягать всѣ силы, чтобы окрыпнуть изъ борьбы съ внутренними и вѣтшими врагами; 3) въ концѣ первой пѣсни — горькое соболѣзнованіе о томъ, что Марія увлеклась своимъ чувствомъ, соединила свою жизнь съ человѣкомъ недостойнымъ, разрушила счастье своихъ родителей. Весь эпилогъ также проинкупуетъ личнымъ чувствомъ автора, именно — благоговѣніемъ къ памяти и трудамъ великаго государя.

Прошло сто лѣтъ — и что же осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волю страстей?
Ихъ поколѣніе миновалось,
И съ ними исчезъ кровавый слѣдъ

Усталъ, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ съверной державы,
Въ ся воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздыхаешь, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Слово «Полтавы» скрытъ, сильный, смигъ гибкій, смѣлый, изобразительный. Онь одинаково мастерски передаетъ: чисто-эпическая изображенія, напримѣръ, описание красоты Маріи, описание осмотра Петромъ войскъ, описание Полтавской битвы и т. п. — и тѣ же, въ которыхъ съ точкимъ психическими анализомъ авторъ раскрываетъ движеніе и развитіе тѣхъ или другихъ чувствъ и намѣреній. Точно также повсюду стихъ отличается изящною, совершенной отѣзкой.

10. ПУШКИНЪ.

Содержаніе: Разборъ поэмѣтъ: *Мѣдный всадникъ* и *Бахчисарайская дочь*. — Содержаніе, — Главныя части. — Основная мысль сочиненія. — Характеристики действующихъ лицъ. — Историческое и поэтическое значеніе этихъ поэмѣтъ. — Измѣн.

Повѣсть *Мѣдный всадникъ* (1833) состоитъ изъ Вступленія и двухъ частей. Во Вступленіи рисуется убогій видъ мѣстности прибрежья Финского залива до построенія здѣсь Петербурга и передается впечатлѣніе, какое могла производить эта лѣсная, болотная мѣстность, населенная кое-гдѣ жалкими

Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ — святую месть:
Ее готовлюсь Богу снести!

туземными рыболовами, которыхъ авторъ называетъ «насыпками природы». Далѣе изображается величественная фигура Петра съ его «высокими» думами о постройкѣ здѣсь новой столицы Россіи и о томъ, какое важное значеніе будетъ имѣть этотъ городъ не въ далекомъ будущемъ для всей Россіи — и въ промышленномъ, и въ торговомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Далѣе, это лѣты спустя, пышная картина Петербурга: описание его улицъ, дворцовъ, набережныхъ, пристаней, садовъ, парковъ и общее впечатлѣніе новой столицы сравнительно съ Москвой. Наконецъ — чисто субъективная часть: личная любовь Пушкина къ Петербургу, къ его красивой инѣнности, которая еще болѣе выигрываетъ при лѣтнихъ, свѣтлыхъ ночахъ; впечатлѣніе царственной Невы, пріятность столичныхъ правиль и обычая, многолюдство, военный блескъ и т. п. Личныя свои чувства къ «творенію Петра» авторъ заблюдаетъ пожеланіемъ, чтобы «градъ Петровъ» продолжалъ стоять «неколебимо какъ Россія» и продолжалъ бы пропѣтъ и красоваться своимъ благоустройствомъ. Въ концѣ Вступленія авторъ говоритъ:

Была ужасная пора;
Объ ней сѣбѣ воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ

Начну свое повѣстование.
Печаленье будуть мой разсказъ...

Это — память на бывшее въ Петербургѣ страшное наводненіе, въ ноябрь 1824 г.

Въ *первой части* повѣсти изображается бѣдное житѣе одного незначительного чиновника, по имени Евгения; его тревога и безсонная ночь во слухаю того, что необыкновенный напоръ вѣтра съ моря заперъ Неву и воды въ ней страшно поднялись, и мосты сняты, и фы. Евгений, на нѣсколько дней будетъ разлученъ съ своею невѣстою, Парашей. Далѣе — картина самого наводненія въ Петербургѣ: бѣдствія бѣднаго населенія столицы, распоряженія властей о спасеніи людей и ихъ имуществъ; картина трагичнаго положенія Евгения, который забылъ о себѣ и не можетъ оторвать своихъ мыслей отъ бѣдной избушки, на изморѣ, где живеть его Параша съ матерью.

Во *второй части* — картина разрушенія въ городѣ отъ наводненія: впечатлѣніе Невы тотчасъ послѣ бурнаго кануна; Евгений на лодкѣ спѣшитъ на изморѣ, отыскивая знакомыя ему мѣста, съ трудомъ узнавъ ихъ среди разрушений, наконецъ долженъ убѣдиться, что наводненіе уничтожило все, что было ему дорого. Онь не переноситъ этого удара; къ помѣшательству огнь скитаются все остаты времена своей жизни и наконецъ — его трупъ находить вмѣстѣ съ обломками ветхаго домика, который вѣтромъ притянуло къ одному острову на изморѣ.

Обѣ части собственно повѣсти посвящены почти исключительно разсказу о судьбѣ несчастнаго Евгения и выставляютъ нѣсколько важнѣйшихъ минутъ изъ его жизни. Такимъ образомъ повѣсть здѣсь имѣть исключительно частный интересъ. Всѣ обстоятельства наводненія и его послѣдствія изображены такъ, чтобы дать почувствовать то, что пережилъ душою этотъ хотя незначительный чиновникъ, но чувствителій и добрый человѣкъ. Вступленіе, наоборотъ, все посвящено изображенію такихъ предметовъ, которые назначены выдвинуть впередъ прозорливость великаго строителя новой столицы, дать читателю

ненять государственное значение замысловъ Петра и затмъ — пышною, блестящую картукою Петербурга, сто лѣтъ спустя по основаніи, наглядно засвидѣтельствовать, какъ опрандались надежды и предвачертанія Петра. Такимъ образомъ во Вступлениіи не быть памъ исключительно общественнаго интереса. Другими словами, при всей естественности и теплотѣ разсказа о надеждахъ и бѣдствіяхъ Евгена, въ душѣ читателя поэзіи *Мѣдный всадникъ* эта частная картина отодвигается на второй планъ и уступаетъ мѣсто картинѣ, изображающей Петра съ его великими думами о токъ, какъ прорубить окно изъ Россіи въ Европу, какъ взвинуть свое государство въ европейскую семью, его усилить и обеспечить ему участіе въ европейской промышленности, торговлѣ и политикѣ. И таи, и другой картинѣ привадлежать своеобразныя красоты. Изъ поэзіи о страданіяхъ Евгена лучше мѣсто то, где изображается его ветергніе узнать, что ставлось съ мыльмъ для него семействомъ, а потомъ послѣдствія его побѣзки.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться вглубь меѧть ихъ рдами
Всечасно съ дерзкими пловнами
Готовъ бѣль чолъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицѣ бѣжать
Въ мѣста знакомыя. Глядѣть,
Узнать не можетъ: видѣтъ ужасны!
Все передъ нимъ занято, —
Что сброшено, что смесено;
Скрылись домики, другіе
Совсѣмъ обрушились, иные
Волнили сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгений
Стремглазъ, не помня ничего,

Въ короткихъ, сильныхъ фразахъ первой половины отрывка отлично передается рѣзкое впечатлѣніе тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на убогихъ обитателей изморья. Въ прерывистыхъ рѣчахъ второй половины отрывка выступаютъ впередъ не столько самыя факты материальнаго опустошенія, сколько — роковое предчувствіе несчастнаго Евгения и затмъ — убѣйственный сердечный ударъ, лишившій его разсудка. Тутъ въ немногихъ словахъ изображается душевная драма.

Бѣль поэзіи о Петре и о наподненіи лучшія мѣста слѣдующія:

1) Картина бѣдной мѣстности финского прибрежья и личность Петра съ его возвышенными раздумьями о грядущей славѣ и благоустройствѣ Россіи.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоѧлъ Онъ, думъ великихъ помыслъ,
И щадъ глядѣть. Прѣдъ нимъ широко

Изнемогая отъ мученій,
Бѣжать туда, где ждетъ его
Судба съ неиздомымъ извѣстіемъ.
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжать ужъ онъ предмѣстьемъ.
И вотъ заинъ, и близокъ домъ...
Что-же это?

Онъ остановился,
Пощель назадъ — и воротился.
Глядѣть... идеть... еще глядѣть:
Вотъ мѣсто, где въ дому стоять;
Вотъ изъ. Были здесь ворота.
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же дому?
И память сумрачной заботы,
Все ходить, ходить онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою,
И другъ, удари въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Рѣка неслася; бѣдны чолы
По ней стремился одинохо.
По министры тощимъ берегамъ

Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убогаго чухонца;
И лѣсь, неиздомый лучай
Въ тумагѣ спрятанаго солнца,
Кругомъ шумѣль.

И думалъ Онъ:
«Отецъ грозитъ мы будемъ Шведу:
Здѣсь будеть городъ заложенъ,

На зло надменному саскуду;
Природѣ здѣсь намъ сужено
Въ Европу прорубить окно,
Негою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волкамъ,
Вѣтъ флаги изъ гости будуть къ намъ—
И запираемъ на просторѣ».

Въ первой части отрывка художественно-картина мѣстности и живое впечатлѣніе своеобразно дикой природы Финскаго залива. Во второй части сильное воспроизведеніе нѣкоторыхъ капитальныхъ свойствъ Петра и вѣрная отыскака его государственныхъ соображеній. Эти строки полны такого искренняго уваженія къ Петру и такого глубокаго пониманія его государственныхъ подвиговъ, что личность Великаго Преобразователя Россіи, остававшаяся доною истории, въ то же время выдается изъ иркомъ идеальнымъ свѣтѣ.

2) Картина самаго Петербурга, нарисованная чрезвычайно искусно. Большой эффектъ придаетъ описание то обстоятельство, что красоты столицы выставляются въ контрастѣ съ бывшему прежде въ этомъ мѣстѣ дикостью. Были болота, лѣса — изнылись стройныя громады адамовъ; было безводье — изнылись пустынныя прибрежья — явились пристани, гавани, толпы кораблей «со всѣхъ концовъ земли». Общее впечатлѣніе блестящей столицы выражено въ поэтическомъ названіи Петербурга *красою полночныхъ странъ*; общественное же значеніе «Петрова града» Пушкинъ не менѣе поэтично выражалъ сравненіемъ Петербурга съ Москвою и наименованіемъ юной столицы *«новою столицею»*, Москва же — *«порфирионосною водовою»*.

3) Картина, где изображается подготовка нападенія, самое нападеніе и подавляющее впечатлѣніе этой катастрофы на обитателей столицы, также представляетъ образецъ художественного поэтическаго описанія. Все въ этомъ описаніи просто и естественно — какъ причины катастрофы, такъ и развитіе этихъ причинъ, и все подробности событий. Поэтому участіе читателя къ изображаемому предмету растетъ съ каждой строкой и доходитъ до высшей степени тамъ, где Нева, олицетворенная въ видѣ разъяренного зѣбра, канула въ городъ.

И всыпать Петроволь какъ Тритонъ,
По ножъ въ воду погруженъ.

Народъ же поникъ въ ужасъ, видя въ этомъ бѣдствіи Божія гибель и ожидая себѣ казни.

Стихъ *Мѣдного всадника* тотъ же, любимый Пушкинымъ четырехстопный ямбъ; по къ тѣмъ свойствамъ, которыми онъ отличается въ предыдущихъ поэмахъ, здѣсь еще присоединяются: разговорная легкость, изобразительность и быстрота. Послѣднее свойство въ смыслѣ того, что Батюшкова называетъ *демонізмомъ* (см. выше: Батюшковъ). Благодаря этимъ качествамъ, а также благодаря множеству краснѣихъ и выразительныхъ уводобленій и олицетвореній

иъ побѣти много пластиности въ описаніяхъ, много драматичности иъ изображеній душевныхъ движений.

Повѣсть *Капитанская дочь* (1833) состоять изъ 14 главъ и небольшаго заключенія. Въ первыхъ пяти главахъ (Сержантъ гвардіи, Воинъ, Бѣлость, Послышокъ, Любовь) говорится о родителяхъ героя повѣсти, т. е. Петра Андреевича Гринева, о его домашнемъ воспитаніи, обѣ опредѣленіи его на службу въ армію — въ Оренбургъ, имѣсто Петербурга, какъ надѣлась-была мать Петруши; — дальше слѣдуетъ приключеніе молодаго Гринева въ Симбирскому трактиру, гдѣ его обыгралъ офицеръ Зуринъ, потомъ — приключеніе въ стени, во время сибирской матки, знакомство его съ таинственнымъ посыпальщикомъ подарокъ ему, за услугу, злчаго тулупника съ барского плеча; прѣѣздъ Гринева въ Оренбургъ. Отсюда молодой Гриневъ на другой же день отирается къ мѣсту своего назначенія въ Бѣлогорскую крѣпость. Слѣдуетъ описание этой крѣпости и потому — семейства коменданта, капитана Миронова (Ивана Кузьмича), жены его (Василисы Егоровны), дочери — Машѣ, т. е. героями повѣсти, и еще одного сосланнаго изъ Петербурга въ крѣпость, офицера Швабрина. Гриневъ позамѣтнымъ образомъ привлекается къ добому семейству Миронова, особенно же къ капитанской дочкѣ. Вниманіе Мироновыхъ къ Гриневу сердитъ Швабрина. Послѣдній сочиняетъ насчетъ Мары Ивановны разныя обидныя небылицы и тѣль раздражаетъ Гринева. Слѣдуетъ скора Гринева съ Швабринымъ, объясненіе съ Марьей Ивановной и неудачный для Гринева поединокъ съ обидчикомъ Швабринымъ. За равенъмъ Гриневымъ ухаживаетъ все семейство Мироновыхъ. Молодость Гринева и ласки Мары Ивановны скоро возираютъ раненому здоровье. По договору съ Машей Гриневъ пишетъ къ отцу и просить благословить его бракъ съ капитанской дочкой. Отъ отца онъ получаетъ не только рѣзкій отказъ, но еще такую угрозу: «Собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя пунтѣкъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ; ибо ты доказалъ, что шнагу воинъ еще недостоинъ, которая ножкована тебѣ на защиту отечества, а не для дуалей съ такими же соризицами, каковъ ты самъ». Крайнее упование Гринева при такомъ поверотѣ дѣла. Наконецъ неожиданный происшествій даютъ душу его «съльное и блгое потрясеніе». Эти неожиданныя происшествія подробно разлагаются въ срединѣ повѣсти.

Средина повѣсти, главы VI — XII (Пугачевщина, Приступъ, Незнайный гость, Разлука, Осада города, Инженерная слобода, Сирота), раскрываетъ прежде всего, какія обстоятельства благопріятствовали возникненію Інзкихъ казаковъ въ Оренбургской губерніи въ концѣ 1773 года; потомъ лихорадочное приготовленіе Бѣлогорской крѣпости къ защищѣ при изѣбѣ о томъ, что убѣжавший изъ-подъ караула Донской казакъ и раскольникъ, Емельянъ Пугачевъ, собралъ злодѣйскую шайку, раззорилъ нѣсколько крѣпостей и приближался къ Бѣлогорской. Потомъ донесъ пойманнаго лазутчика Башкирова, описание приступа крѣпости, взятие Бѣлогорской крѣпости Пугачевымъ и гибель капитана Миронова и жены его. Мары Ивановны спасена у попады и выдана за изманинну. Первое объясненіе Пугачева съ Гриневымъ (глава VIII, Незнайный гость). Измѣна Швабрина. Самозанемъ назначаетъ его начальникомъ Бѣлогорской крѣпости, а Гриневу возвращаетъ свободуѣхатъ, куда ему ваду-

мается. Гриневъ переселяется въ Оренбургскую крѣпость. Осада этой крѣпости Пугачевымъ. Неудовлетворительныя средства защиты съ плохой артиллерией, тощее кавалеріе и голодною пѣхотой. Изъ письма сироты Мироновой Гриневъ убѣждается, что Швабринъ принуждаетъ ее выйти за него замужъ. Гриневъ рѣшается пробраться въ Бѣлогорскую крѣпость, чтобы спасти свою невѣсту, но на пути, вѣстъ съ дядкою своимъ, Савельичемъ, попадаетъ въ мятеjnую (Бердскую) слободу, схваченъ и представленъ Пугачеву. Описаніе помѣщенія Пугачева и его «епаралевъ». Вторая бѣѣда Гринева съ Пугачевымъ. Калмыцкая сказка. Пугачевъ принимаетъ живое участіе въ горѣ Гринева и самъ съ нимъѣдетъ въ Бѣлогорскую крѣпость, паковать Швабрина и освободить невѣсту Гринева. Гриневъ съ невѣстою и Савельичемъ покидаютъ крѣпость съ признателынмъ чувствомъ къ Пугачеву за его милостивое покровительство.

Въ послѣдніхъ двухъ главахъ повѣсти, XIII и XIV (Арестъ и Судъ), разказывается о новыхъ приключеніяхъ Гринева: какъ онъ попадаетъ въ руки гусарскому пикету, подъ арестъ къ маюру, который оказывается старымъ знакомымъ Гринева, Зуринымъ; какъ Гриневъ долженъ быть отправленъ Марью Ивановну съ Савельичемъ въ деревню къ своимъ родителямъ, а самъ — отпра-вляться подъ карауломъ къ Казани, изъ следственную комиссию, учрежденную по дѣлу Пугачева; какъ на допросѣ въ этой комиссіи онъ не можетъ вполнѣ оправдаться только потому, что не хотѣлъ произнести имя своей невѣсты; какъ изѣбѣ обѣ арестъ Гринева чуть не убило отца его, вообразившаго, что сынъ его въ самомъ дѣлѣ участникъ въ замыслахъ Пугачева; какъ Мары Ивановны мужественно рѣшилась отправиться въ Петербургъ, чтобы лично объяснить Государынѣ все дѣло и оправдать своего жениха; какъ ей удалось блестательно осуществить свое намѣреніе. Прекрасныя описанія метрѣи капитанской дочки съ Государыней въ саду, сцену объясненій и затѣмъ — милостыни вниманіемъ Императрицы къ дочери капитана Миронова — оканчиваются повѣсть. Въ заключеніи находятся два слова о дальнѣйшей судьбѣ Пугачева и о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ въ потомкѣ Гринева сохраняется собственноручное письмо Екатерины II къ отцу Петру Гриневу. Это письмо содержитъ оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова.

По содержанію повѣсти видно, что она имѣть историческую основу. Въ ней изображаются привычки провинциального дворянства средней руки въ концѣ прошедшаго столѣтія, домашнее воспитаніе, початіе о службѣ; до крайности ненѣжественное и плохое управление юго-восточной окраины Россіи, особенно же дурное состояніе оренбургскихъ крѣпостей и дурное содержаніе гарнизоновъ. Наконецъ, подробности Пугачевщины сообщаютъ повѣсти прямо историческій колоритъ изѣбѣнаго времени. Впрочемъ, эти подробности затрагиваются похотомъ только какъ пособія для глазовъ пѣти своей, т. е. для того, чтобы можно было всесторонне раскрыть обстоятельства жизни главныхъ героевъ повѣсти — Гринека и капитанской дочки.

Изъ множества дѣйствующихъ въ повѣсти лицъ главное вниманіе автора сосредоточено на молодомъ Гриневѣ, Марѣ Ивановнѣ и Швабринѣ. Гриневъ и Швабринъ постоянно изображаются въ рѣзкомъ контрастѣ другъ съ другомъ.

и такимъ образомъ служить цѣли автора: выставить изъ одномъ лицѣ образецъ добродѣтели, въ другомъ—образецъ злодѣйства. Изъ исторіи воспитанія Гринева известно, что оно было, по общему того времени, беззлаково. Воспитатель его, мосье Бонре, бывъ записалъ «изъ Москвы имѣть съ годомъ запасенъ вина и провинскаго мяса». Въ отечествѣ своемъ Бонре бывъ парикмахеромъ; потомъ служилъ въ прусской арміи солдатомъ, а затѣмъ уже переселился въ Россію, *pour être ouvrier* и чтобы обучать россійское дворянство *по-французски, по-немецки и всѣмъ наукамъ*. За совершенное невниманіе къ своимъ обязанностямъ, за совершенную неспособность тѣ ныть и за неодобрительный образъ домашней жизни, Бонре бывъ скоро удаленъ отъ Гринева. «къ неописанной радости» дядьки Петруши, т.-е. Савельича. Итакъ, не въ вѣнцѣ Бонре слѣдуетъ искать объясненія качествъ Гринева. Остается признать за ныть счастливую природу и хорошее, истинно-правственное вліаніе его родителей, особенно—его отца.

Въ характерѣ Петра Гринева слѣдующія черты особенно замѣчательны: какъ сынъ—онъ почтителенъ къ своимъ родителямъ, какъ членъ—онъ искренно любить Марью Ивановну, дорожить этимъ чувствомъ, какъ сытъ-нен; какъ офицеръ—онъ, несмотря на какія опасности, остается ирень присягѣ и служить чести, а не разсчету. Швабринъ обрисованъ и поисти только отрицательными, отталкивающими чертами. Онъ завистливъ, злъ, жестокъ, онъ клевещетъ на Марью Ивановну, чтобы уронить ее во мнѣніи Гринева; онъ изъ разсчета измѣняетъ дьту чести и переходитъ на сторону Пугачева, чтобы у него выслужиться; онъ шантажами старается вымучить у несчастной Марии Ивановны согласіе на бракъ съ ныть; наконецъ, онъ же является главнымъ доносчикомъ на Гринева въ слѣдственную комиссию по дѣлу Пугачева. Однимъ словомъ, ведь Швабринъ раскрывается съ одной злодѣйской стороны. За то—по волѣ автора, конечно—всѣ его плауты и злодѣйства служить, подъ конецъ, къ его же изобличенію и гибели; наоборотъ же—всѣ затрудненія и бѣдствія Гринева разрываются для него полныя торжествомъ. Такая постановка Гринева и Швабрина напоминаетъ, хотя и въ слабой степени, бытъ обычай изъ ложно-классической поэмъ: изображать дѣйствующихъ лишь въ двухъ категоріяхъ—добродѣтельныхъ и порочныхъ, и первымъ непремѣнно устроить торжество и благополучіе, а послѣднимъ наказаніе и гибель.—Характеръ Марии Ивановны изображенъ чертами естественными, понятными и очень привлекательными. Она скромная, разумная, сердечная девушки. Чувство привязанности къ Гриневу такъ и вѣ сильно, сознаніе его правоты въ душѣ ся такъ ясно и требовательно, что Мария Ивановна находитъ въ себѣ силы отрицаться въ столицу, чтобы достигнуть возможности лично изложить Государину обстоятельства дѣла. И она въ этомъ усиливается и пытается Императрицу великодушнымъ своимъ поступкомъ.—Бѣдь этихъ трехъ лицъ, замѣчательны: отецъ и мать Марии Ивановны и Савельичъ. Хоть эти лица являются изъ повѣсти не изъ первого плана, а родители Марии Ивановны съ VIII-ї глазы уже болѣе не показываются въ разсказѣ, но поэти умѣть очертить ихъ такими ясными типическими чертами, что эти лица производятъ глубокое впечатлѣніе и не забываются. Иванъ Кузьмичъ и супруга его, Василиса Егоровна, представляютъ типъ простодушныхъ, честныхъ

натуръ, которыхъ во всемъ и всегда остаются вѣры здравому смыслу и искреннему чувству. Въ ихъ характерахъ особенно выдѣляются дѣй черты: крышка другъ къ другу привязанность, которая составляетъ счастье всей ихъ жизни, и мужественная покорность волѣ Провидѣнія и роковыхъ минутъ опасностей. Незадолго до приступа, капитанъ, благословляя свою дочку, напутствуетъ ее такими словами: «Ну, Мария, будь счастлива. Молись Богу: Онь тебя не оставитъ. Боли найдется добрый человекъ, да Богъ взять любовь да сонъ. Живите, какъ живы мы съ Василией Егоровной. Ну, прощай, Мария». Затѣмъ онъ обнимаетъ «свою старуху» со словами: «прощай, прощай, матушка!» и совершенно сосредоточивается на исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. На первый же вопросъ самозванца: «Какъ ты смѣль противиться ить, своему государю?» капитанъ, измогъ отъ раны, отвѣщаетъ твердымъ голосомъ: «Ты мий не государь, ты воръ и самозванецъ, слыши ты!»—и погибаетъ на вѣйлицѣ. Немного спустя за нимъ слѣдуетъ и жена его.—Савельичъ представляетъ художественный типъ предшаго крѣпостнаго слуги, или лучше—доночадца, какъ этотъ типъ могъ сложиться только при прежнихъ отношеніяхъ изъ помѣщичьемъ быту. Савельичъ до такой степени сродился и сросся съ семьей своего барина, что сей не отдѣлять отъ нея, а интересы Петра Андреевича считаетъ какъ-бы собственными. Жало того, онъ и собой готовъ покрѣповать за эти интересы. Такъ во время расправы Пугачева въ крѣпости, когда Гриневу выкинули уже на шею петлю, Савельичъ показался въ посѣ Пугачеву: «отецъ родной, что тебѣ въ смерти барскаго дитя! Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради вели поѣхать хоть меня, старика!» Въ другой разъ онъ безстрашно и ванно подаетъ Пугачену счетъ за разграбленное у Гринева шайкой Пугачева имущество и въ этотъ счетъ вставляетъ—ложнѣ тулупчики и требуетъ за него пятнадцать рублей.—Характеръ Пугачева изображенъ слабо и поверхности. Кое-какія черты его удали и хвастовства выставляются въ разныхъ мѣстахъ повѣсти. Такъ удачей народный характеръ Пугачева видеть изъ приведенной имъ калмыцкой сказкѣ (гл. IX), хвастовство слышится, напримѣръ, въ воскликаніяхъ Пугачева: «дай срокъ, то-ли сице будетъ, какъ пойду на Москву!» (гл. XI). Чрезвычайное величие Пугачева къ Гриневу и чувствительность къ угнетенной сиротѣ какъ-то не согласуются съ общими сурогами и грубыми свойствами его характера. Описание же наружности Пугачева, его замысловъ, военныхъ дѣйствій и рокового исхода искъ его затѣй изображены съ исторической вѣрностью.

Кромѣ Пугачева, есть въ повѣsti еще одно историческое лицо—Екатерина II. Она выведенна, правда, только въ концѣ повѣсти, для развязки событий, важныхъ для Гринева и его вѣсты; во даже и въ бѣгломъ очеркѣ личность Государини производитьпечатление. Ноуть выставилъ въ этомъ характерѣ иѣкоторыя свойства исторически-вѣрныя и въ то же время высоконравственные: строгое правосудіе Государини, смиренность, благородство и чуткость къ проявленіямъ искренихъ и благородныхъ чувствъ.

Языкъ повѣсти *Капитанская дочка* представляетъ образецъ легкой, разговорной, живой рѣчи. Здѣсь, подъ перомъ Пушкина, русская проза достигла высокой степени совершенства. Языкъ не только свободенъ отъ какихъ бы

то ни было слыть иностранныхъ вліяній (галицізмовъ, германізмовъ и т. п.), но, кроме того, свободенъ отъ всякой искусственности въ постройкѣ рѣчи. Этотъ языкъ одинаково превосходно служить для описаний (например бурань въ степи, дворецъ и штабъ Пугачева, царкосельскій садъ и встреча съ Государыней и др.), и для разсказовъ, и для разговоровъ. Послѣ прозы Пушкина уже невозможно возвращеніе къ рѣчи periodической, хотя бы и карамзинской.

II. ПУШКИНЪ.

Содержание: Разборъ Бориса Годунова.—Содержаніе драмы и ея главныя части.—Основная идея сочиненія.—Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ Годунова и Самозванца.—Характеристика лицъ второстепенныхъ: Марии, Шуйского и Паженка.—Языкъ драмы.

Драма *Борис Годуновъ* написана въ 1825 году, а напечатана въ полномъ составѣ въ 1831 году. Сюжетомъ для нея послужили важнѣйшіе изъ моментовъ жизни и царствованія Бориса Годунова. Въ обработкѣ своего предмета Пушкинъ несколько не подчинался обычаямъ ложно-классической теоріи tragedіи, хотя эта теорія еще чувствуется въ двадцатыхъ годахъ, даже въ трагедіяхъ Озерова. Пушкинъ руководствовался образцами Шекспировскихъ драматическихъ хроникъ, а главное—дать значительную свободу собственному могучему дарованію.

Драма *Борис Годуновъ* дѣлится на дѣй, неравные по объему, частіи. Въ первой—события 1598 года, а во второй—события 1603—1605 годовъ. Между объемами частіями драмы проходитъ болѣе пяти лѣтъ. Первую частію можно назвать прологомъ: въ ней заключаются только тѣ обстоятельства и события, которые служатъ подготовкой событий самой драмы и отчасти намѣ чаютъ характеръ предстоящей борьбы. Пушкинъ не назначалъ своей драмы для театра. Это видно, между прочимъ, изъ того, что драма не раздѣляется на акты, а представляетъ 24 отдельныхъ сцены. Изъ нихъ многія перебрасываютъ дѣйствія на большій разстоянія и въ совершенно не похожія одно на другое мѣсто, сами же продолжаются иногда лишь нѣсколько минутъ (например: съ Дѣвичьего поля въ Кремлевскій палаты, изъ царской палаты въ корчму на Литовской границѣ, съ поля битвы подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ на площадь передъ соборомъ въ Москвѣ, а оттуда опять на минуту въ Сѣверскъ и т. д.).

Содержаніе первой части слѣдующее. Въ Кремлевскихъ палатахъ князь Шуйскій съ Воротынскимъ разговариваютъ обѣ избираніи Бориса на царство. Въ бесѣдѣ ихъ выставляются дѣй особенно замѣчательныя мысли. Во-первыхъ—что самое избираніе Бориса незаконно ужъ потому, что онъ далеко не знатнаго рода: «вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты» можетъ, такимъ образомъ, нарушить правъ на престолъ гораздо болѣе знатныхъ князей, прямыхъ потомковъ Рюрика. Во-вторыхъ—что ежели Борисъ будетъ продолжать хитрить и лицемѣрить съ своимъ отказомъ, то слѣдуетъ изволовать народъ, чтобы они выбрали себѣ и цари «любовъ» изъ родовитыхъ князей. Шуйскій говоритъ:

Богда Борисъ хитрить не перестанеть,
Давай народъ искусно волновать;
Нускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно—пусть
Себѣ изъ цари любовъ изберутъ.

Далѣе, въ слѣдующихъ трехъ сценахъ, видно недоумѣніе народа, потому—согласіе Бориса принять престоль, потому—первая его царская рѣчь—*«Въ боярамъ и приглашеніе идти поклониться гробамъ почившихъ властителей Россіи»*, а наконецъ—царское пореѣніе *«съывать весь народъ на пиръ, всѣхъ—отъ вельмож до пшиаго слѣпца; всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогие»*.

Непосредственно за прологомъ, послѣ пятилѣтняго промежутка, начинается собственно драма. Мѣсто дѣйствія—келья Чудова монастыря. На сцену выступаютъ события 1603 года. Благодушный старецъ Пименъ пишетъ свою *«Лѣтопись»* и разсказываетъ Григорію о временахъ Грознаго, о Феодорѣ, объ убіеніи царевича Дмитрія. Въ головѣ пыльного Григорія зреетъ дерзкій замыселъ—выдать себя за Дмитрія, будто бы спасеннаго отъ смерти. Завязка всей драмы видна изъ короткаго монолога Григорія:

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣть и напомнить.
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ изъ темной кельи
Здѣсь на тебя доноси ужасный писать:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божіаго суда!

Уже изъ этого мѣстъ указывается то безвыходное положеніе, которое ожидаетъ Бориса впереди; изъ этого положенія ему не выйти; онъ долженъ настѣнѣ жертвою упрыгій собственной сопѣки.

Въ слѣдующей же сцѣнѣ оказывается, что Самозванецъ уже началъ приводить свой замыселъ въ исполненіе. Патріархъ узнаетъ отъ настоятеля Чудова монастыря, что Григорій убѣжалъ и похищалъ бывшаго царя на Москву. Патріархъ находитъ излишнимъ тревожить *«отца-государа»* доказывая объ этомъ случаѣ, желать объяснять о тогъ одному изъ дѣланій и дѣлаетъ распоряженія изложить *«рестника»* и сослать на покараніе въ Соловецкій монастырь. Всѣдѣ за тѣмъ сцена въ царскихъ палатахъ. Борисъ одинъ. Изъ монолога его уясняется, какъ онъ утомился и вѣастью, и народной нелюбовью, какъ мучать его всеобщія подозрѣнія, а еще болѣе—терзанія собственной совѣти и семенной несчастія. Далѣе—сцена въ корчме, на Литовской границѣ. Григорій ускользаетъ изъ рукъ царскихъ приставовъ и убѣгає въ Литву. Далѣе—сцена въ Москвѣ, на пиру у Шуйскаго. Здѣсь въ первый разъ слышится иѣсть о Самозванецѣ. Бояринъ Пушкинъ сообщаетъ эту вѣсть. Шуйскій замѣчаетъ:

Вѣсть, важная! И если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ прибавляетъ, что ежели пострадаетъ Борисъ, то *но-дѣломъ ему!* и при этомъ перечисляетъ разныя угнетенія и несправедливости, отъ которыхъ равнозначаютъ и бояре, и народъ. Слѣдующая сцена представляетъ намъ Бориса изъ кругу своей семьи. Сначала Борисъ кротко и ласково обращается къ дочери своей, Ксениѣ; горюетъ, что не удалось ему устроить ея счастья; потомъ любуется занятіями сына своего, Феодора, и разсматриваетъ *чертежи земли Московской*. Борисъ очень доволенъ этой работой своего сына и говорить о пользѣ науки вообще, а особенно—для будущаго государя.

Конецъ сцены совсѣмъ не похожъ на начало: Бояринъ Семенъ Годуновъ докладываетъ о появленіи въ Краковѣ Самозванца. Это обстоятельство, въ особенности же то, что Самозванецъ называется *Дмитриемъ*, чрезвычайно смущаетъ Бориса. Онь не въ силахъ побѣдить страшаго душевнаго волненія, велить царевичу удалиться, крестомъ и Богомъ заклинаетъ Шуйскаго по совѣсти ему сказать: точно ли погибъ истинный Дмитрій; грозить ему—въ случаѣ обмана—такою казнью, что «царь Иванъ Васильевичъ отъ ужаса во гробѣ содрогнется». Затѣмъ, Борисъ велитъ Россію оградить отъ Польши строжайшими застаниами; но душевная тревога Бориса все-таки слынется изъ концѣ его монолога, особенно же — въ стихѣ: «Охъ, тихела ты, шанка Моломаха!»

Рядъ сценъ переноситъ читателя въ Польшу: Самозванецъ принимаетъ въ службу плахтичей, а также и русскихъ; свиданіе Самозванца съ Мариной: Марина ловко вынырываетъ у Самозванца признаніе, что онь аже-Дмитрій. Затѣмъ походъ Самозванца. Границу Литовскую переходить 16-го октября 1604 года. Непосредственно за этимъ—сцена въ Царской Думѣ. Иль иса виды, между прочимъ, успѣхи Самозванца. Не дромъ же царь вынужденъ прибѣгнуть къ содѣствію высшаго съѣзда и принять чрезвычайныя государственные мѣры. Въ засѣданіи Царской Думы Борисъ приходитъ въ странное замѣшательство отъ разсказа въ предложеніи патріарха. Хитрый Шуйскій выручаетъ Бориса.—Потомъ битва подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ 1604 года 21-го декабря и побѣда Самозванца. Потомъ опять сцена передъ Московскими соборами: юродивый изобличаетъ царя.—Далѣе: разбитый подъ Сѣверскомъ, Самозванецъ узнаетъ отъ пѣсникоша о казнѣхъ въ Москвѣ и бешено отдыхаетъ въ лѣсу.—Между тѣмъ царь бесѣдуетъ съ Басмановымъ о дѣлахъ, назначаетъ его генераломандующимъ и собирается взять въ руки и бояре, и народъ. Но вдругъ подымается тревога: царь занемогъ, царь умираетъ, блѣнутъ за лѣкремъ; царь велитъ всѣмъ удалиться, призываютъ къ себѣ царевича; даетъ ему наставление, какъ царствовать и—едва успѣши прийти схиму—умираетъ 1-го апреля 1605 г. При помощи Басманова царемъ провозглашаютъ Самозванца. Народъ кричитъ: «да здравствуетъ Дмитрій, нашъ отецъ! Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!» Наконецъ, въ послѣдней сцены бояре объявляютъ народу, что Марія Годунова и съ ней съ Феодоромъ отрѣзали себѣ ядомъ; по на приглашеніе ихъ вращать да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ—народъ безмолвствуемъ.

Во всей драмѣ развивается та основная идея, что за преступление, подобное Борисову, небесное правосудіе караетъ безнадѣно. Такое преступление сопровождается и личными, и семейными, и государственными несчастіями. Первый—постоянныи угрозенія совѣти Бориса, вторыи—горе Ксении и гибель Феодора Борисовича, послѣднія—заговоры бояръ, появление Самозванца, возмущеніе народа. Караваинъ изъ своей Исторіи Государства Россійскаго говоритъ: «святая кровь Дмитрія требовала крови чистой; и невинные пали за виновнаго, да страдаютъ преступники и за своихъ близкихъ». Въ вопросѣ объ убієніи царевича Дмитрія Пушкинъ смотрѣтъ на Бориса глазами Караваина, т. е. принимаетъ за несомнѣнную истину, что Борисъ былъ виновникомъ смерти царевича. Этотъ взглядъ безпрестанно высказывается въ драмѣ: напримѣръ въ разговорѣ Шуйскаго съ Боротынскимъ, въ толкахъ народа, въ разсказѣ Пимена, въ угрозахъ Григорія, а больше всего въ монологахъ Бориса, выражавшихъ мученія его совѣти («Такъ вотъ зачѣмъ трипадцать лѣтъ мѣсяцъ сраду все синицо убѣтое дитя!....»). Постоянное, роковое развитіе основной идеи придаетъ всей драмѣ характеръ съично-трагическій. Постоянно припоминаются грозныя слова: «и не удѣнишь ты отъ суда мірскаго, какъ не удѣнишь отъ Божіаго суда!» Трагизмъ въ высшей степени выражается въ послѣдніхъ словахъ писцы: «народъ безмолвствуєтъ». Это безмолвіе не есть обыкновенное молчаніе или недоумѣніе: оно выражаетъ себѣ ужасъ, которымъ проникнуть народъ при виде послѣдніхъ потрясающихъ событій, именно—гибели невинныхъ дѣтей Бориса, составляющихъ искушительную жертву за преступленіе отца.

Изъ множества дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ главнѣйшія—двое: Борисъ Годуновъ и Самозванецъ. Изъ второстепенныхъ особенно замѣчательны: Марина, Шуйскій и Пимень.

Борисъ Годуновъ—главное лицо въ пьесѣ. На немъ стоитъ вся драма и интересъ каждой отдельной сцены. Въ характерѣ Бориса двѣ стороны: одна—свѣтлая, другая—мрачная. Свѣтлая его свойства: онъ добрый, любящій, прозывавшій отецъ и семьянинъ, мудрый, опытный государь—заботливый о государственномъ порядкѣ и благосостояніи своего народа. Какъ отецъ, онь привлекательно обрисованъ въ бесѣдѣ съ Ксенией и съ Феодоромъ. Его ласка къ сыну симпатично выражена въ томъ мѣстѣ сцены, где онь любуется занятіями Феодора и радуется успѣхамъ его въ наукахъ. Его страстная любовь къ сыну ярко высказывается въ прощальной бесѣдѣ съ царевичемъ. Незадолго до смерти царь, извинивъ и ссыпши, говоритъ Феодору:

Прощай, мой сынъ, сейчасъ
Ты царствовать начинъ... о Боже,

Сейчасъ явлюсь передъ Тобой, въ душу

Та же любовь слышна еще въ предсмертномъ же обращеніи царя къ патріарху и боярамъ:

Се туть, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Феодору... Басма-

новъ,

Друзья мои!... при гробѣ вѣсть молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онь такъ еще и младъ, и непороченъ.

Дальшоидность Бориса и его мудрость въ дѣяхъ государственного правления прекрасно выражены въ пространнѣхъ наставленихъ царевичу, какъ нужно царствовать, какихъ выбрать себѣ союзниковъ и какъ умѣть совмѣстить въ себѣ обязанности семьянина и человека съ обязанностями государя. Просыпавшійся взглядъ Бориса на науку высказывать имъ въ томъ мѣстѣ разговора съ царевичемъ, гдѣ отецъ любуется занятиями сына:

Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ
ученія!

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыхъ ты иныѣ

Изобразиъ такъ хитро на бумагѣ,
Вѣтъ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешьъ по-
стигать.

Мрачная сторона въ характерѣ Бориса неразрывно связана съ его преступлениемъ. Во всей пьесѣ Борисъ постоянно выставляется убийцей царевича Дмитрія. Такъ обѣ немъ говорятъ въ боярской средѣ. Въ бѣдѣ Воротынского съ Шуйскимъ (въ прологѣ), первый спрашиваетъ: «что, ежели Правитель и въ самомъ дѣлѣ державными заботами наскучилъ и на престолъ беззластный не изойдетъ? что скажешь ты?» Шуйский отвѣтываетъ безъ окончностей: «скажу, что покраснѣ лилась кровь царевича младенца; что если такъ, Дмитрій могъ бы жить». Точно такъ же говорятъ и въ народѣ. Въ сценѣ на пло-
щади, передъ соборомъ, изъ Москви, юродивый прямо въ лицо называетъ Бориса убийцей царевича, и никто изъ народѣ не протестуетъ. Иаконецъ, точно также во многихъ мѣстахъ драмы Борисъ самъ себя обличаетъ. Въ первомъ его монологѣ: «Достижъ я высшей власти» весь конецъ представляеть ужасную картину терзаній совѣти, отъ которой некуда преступнику бѣжать. Выраженіе: «И мальчики кровавые изъ лазага!» выдастъ ту тайну, которую Борисъ хотѣлъ бы скрыть отъ самого себѣ. — Въ сценѣ съ Шуйскимъ, лишь только послѣдній произнесъ имя Дмитрія, Борисъ вдругъ потерялся, исчезъ его гордливое самообладаніе, даже рѣчи ему не поизнускаются: вмѣсто того, чтобы спрашивать, или возражать, или приказывать, огъ только восклицаетъ:

Дмитрія!... Какъ? этого младенца?
Дмитрія!... Царевичъ, удались!

а дальше и совсѣмъ сбивается, и притомъ такъ сбивается, что недоконченная имъ фраза достаточно уже выдала тайную мысль Бориса. «Послушай, князь Василій! какъ я узрѣлъ, что отрокъ сего...» что отрокъ сей лишился какъ-то жизни, ты посланъ быть на слѣдствіе» и т. д.—Еще сильнѣе смущеніе Бориса въ заѣданіи Царской Думы: во время краткаго, благоговѣннаго разсказа патріарха о чудотворномъ исцѣленіи слѣпца у гроба Царевича-Дмитрія, Борисъ бѣднѣетъ и «изѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ», а послѣ разсказа онъ опѣренъ отъ ужаса и не могъ сказать ни слова. — Окончательно, въ послѣдней бѣдѣ съ сыномъ, Борисъ почти слова исповѣдуетъ свое преступление:

И подданнымъ рожденъ, и умереть.
Миъ подданнымъ во мракѣ бѣ надеждою;
Но я достигъ верховной власти,—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты незиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отъѣту Богу.

Слѣдовательно, отъ первого шопота неудовольствія паредворцевъ на лицемѣріе Бориса и до послѣдніхъ самообличительныхъ его словъ въ бѣдѣ съ царевичемъ, вездѣ Борисъ является жертвой своего злодѣянія. Послѣдствія этого преступленія окончательно выражаются истребленіемъ потомства Годунова. Такимъ образомъ, Пушкинъ вездѣ изъ своей драмы остается вѣренъ тому взглазду, который Каразинъ ясно и рѣшительно высказалъ о Борисѣ въ *Истории Государства Россійского*.

Характеръ Самозванца, въ противоположность Годунову, изображенъ вездѣ чертами положительными привлекательными. Огъ молодъ, наложъ, отваженъ, смѣло и настойчиво идти къ цѣли и всѣ обстоятельства такъ складываются, что онъ непремѣнно торжествуетъ. Борисъ съ самаго начала драмы уже полонъ тяжелаго раздумья: «предчувствую небесный громъ и горе, миъ счастья нѣть»; Самозванецъ, наоборотъ, полонъ увѣренности и ускѣхъ. Огъ говоритъ Курбскому:

Не странно ли: сынъ Курбскаго ведеть
На тронъ, кого? да—сына Іоанна!
Все за меня: и люди, и судьба.

Противъ Бориса рожоть и народное негодованіе; а къ Самозванцу отовсюду сходится не только ляхи, но и русскіе люди. Царское войско многочисленно, тысячу до 50, и стройно, и еще имѣть хорошихъ иностраннѣхъ предводителей, у Самозванца же тысячу 15 кос-какъ въскорѣ собранной рати, а между тѣмъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, 1604 г. 21-го декабря, Самозванецъ одерживаетъ рѣшительную побѣду. Царскіе воины бѣгутъ, между прочимъ, еще и потому, что они, какъ «православные», не могутъ идти противъ «Русскаго Царевича». — Борисъ въ Царской Думѣ теряется до такой степени, что его изъ этой крайности выручаетъ единство находчивость Шуйскаго: въ то же время Самозванецъ, даже послѣ проиграннаго подъ Сѣверскомъ сраженія, никакъ не унываетъ, выражаетъ свое удовольствіе при воспоминаніи о токъ, какъ ябмы лихо дерутся въ сраженіи и говорить, что онъ изъ такихъ молодцовъ непремѣнно составить себѣ «почетную дружину», а иаконецъ— беззмятежно засыпаетъ подъ открытымъ небомъ. Всѣ дальнѣйшія дѣйствія Самозванца ведутъ его шагъ-за-шагомъ къ Москви и къ торжеству. Самъ Борисъ, и послѣдней бѣдѣ съ Царевичемъ, произносить о Самозванецѣ изѣсколько сильныхъ, характерныхъ слова:

О милый сынъ! не обольщайся лжено,
Не остыни себѣ ты добровольно;

Въ дни бурые дерзнувъ ты приемлешь:
Онасна онъ, сей чудный Самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ отолченъ.

Не удивительно, что самъ дальновидный и расчетливый Басмановъ спѣшить перейти къ нему.

Такимъ образомъ, оба эти лица, т. е. Борисъ и Самозванецъ, поставлены въ драмѣ такъ, что одно изъ нихъ, именно Борисъ, обречено настъ жертвою своего преступленія; другое же, т. е. Самозванецъ, какъ бы является орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, чтобы винить Борису за совершившее имъ злодѣйство. Часто вспоминаются слова, которыя сказали Самозванецъ Маринѣ:

Тынъ Грознаго мена усыновила,
Дмитриемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутили
И въ жерту милю Бориса обрекла.

Изъ второстепенныхъ лицъ въ драмѣ замѣнительны: Марина, Шуйскій и Пименъ.

Существенные черты характера Маринѣ, иѣрика Исторіи, раскрываются въ сценѣ объясненія ея съ Самозванцемъ у фонтана. Красота ея обворожаетъ пылкаго Самозванца. Въ сердцѣ же Маринѣ нетъ ни малѣйшаго отзыва на его чувство. Въ ней умъ и расчетъ, а не чувство. Къ уму присоединяются: необыкновенная изворотливость и огромное тщеславіе. При помощи изворотливости она выныываетъ у Самозванца его тайну. Расчетливость и тщеславіе заставляютъ Марину пренебречь женскую стыдливость въ то время, когда Самозванецъ гордо ее отвергаетъ, и удиржать его обѣщаніемъ выйти за него замужъ, лишь только онъ сядетъ на московскій престолъ.

Шуйскій исторически вѣренъ и, кроме того, можетъ считаться типичнымъ изображеніемъ искуснаго царедворца. Основные черты его характера: подобострастіе, осторожность, хитрость и умѣніе приспособляться къ обстоятельствамъ. Если разсчетъ величъ, онъ откажется отъ собственныхъ словъ; а если ему выгодно, то онъ какъ будто бы готовъ обнаружить чрезвычайное самоотверженіе (напр. при смущеніи Бориса въ Царской Думѣ). Онъ спокойно наблюдаетъ и потому онъ не теряется даже тогда, когда ему приходится встрѣтиться съ страшными минутами раздраженія или замѣнительства. Такъ, во время своего доклада царю о появленіи Самозванца, Шуйскій внимательно наблюдаетъ игру физиономіи Бориса, перемѣну въ его голосѣ, смущеніе и про-себя произноситъ разныя замѣненія: «все знаетъ онъ!», а далѣе: «онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!», а наконецъ: «онъ ничего не зналъ».

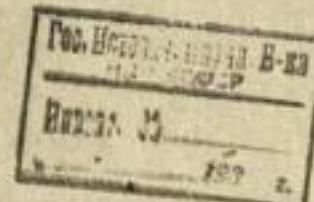
Пименъ—высоко-художественное, типическое созданіе. Въ этомъ живомъ, привлекательномъ образѣ соединились тѣ черты, которыя доискался и додумался Пушкинъ при внимательномъ чтеніи русскихъ лѣтописей. Поэтому самъ Пименъ есть типическое произведеніе русского лѣтописца. Онъ набожный старецъ-монахъ; съ житейскими волненіями и разсчетами онъ покончилъ и счастливъ, что въ монастырѣ нашелъ полный покой. На лѣтопись свою онъ смотрѣтъ, какъ на долгъ, «завѣщанный отъ Бога», а на самое веденіе лѣтописи глядѣтъ, какъ на подвигъ послушанія и благочестія. Онъ и Григорію

загѣдачь вести лѣтопись въ томъ же духѣ т. е. не мудрствовать лукаво, а записывать все, чему Господь поставилъ свидѣтельство въ жизни:

Бойну и миръ, управу гоударей,
Угодникъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменія небесны!

Языкъ драмы «Борисъ Годуновъ» служить еще новымъ доказательствомъ того, какъ внимательно Пушкинъ изучалъ старинные памятники русской письменности не только со стороны ихъ содержания, но и со стороны своеобразной простоты и величавости русской народной рѣчи. Въ языкѣ действующихъ въ драмѣ бояръ, дѣаковъ, царскихъ приставовъ, монаховъ и простонародья выражается не только складъ русского ума, но и типическія сословныя черты. Какъ вѣрный колоритъ изъ хорошей картины, языки драмы Пушкина художественно выдвигаются и обрисовываются изображаемую поэтомъ эпоху.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Пушкинъ (1799—1817).

Содержание: Обставинъ его, детства. — Домашнее воспитаніе. — Пребываніе въ Липецкѣ. — Характеръ поэтической дѣятельности Пушкина въ первыи періодъ отъ 1814 до 1817 г. Содержаніе и значеніе образцовъ: *Воспоминаніе изъ Царскаго-Села, Мечтатель, Городокъ, Ильинка, Добрый союзъ, Лизунію, отрывокъ изъ стихотворенія Сонъ. Отличительныя черты стихотвореній этого періода.*

3

2. Пушкинъ (1817—1820).

Содержаніе: Гражданская служба. — Участіе въ обществѣ «Аванасъ». — Събитія развлечения, первыя разочарованія, потребность серьезнаго труда. — «Уединеніе». — «Русланъ и Людмила». — Содержаніе этой поэмы, недостатки и причины ее необыкновенного успѣха въ обществѣ.

6

3. Пушкинъ (1820—1825).

Содержаніе: Удаленіе Пушкина изъ столицы. — Дальнѣйшее развитіе его письменной смысли, прирѣдъ южной Россіи и изученія Байрона и другихъ поэтовъ, иностраннныхъ и русскихъ. — Усиленная литературная дѣятельность въ слѣд. Михайловскому. Содержаніе и значеніе стихотвореній: *Рыбакъ, облакъ летучихъ грибовъ, Желаніе, Послание изъ другого, Письма о Вишнѣ Олеинъ, Наполеонъ, Къ морю, Розовъя книжопродажи съ поэмами.*

10

4. Пушкинъ (1826—1830).

Содержаніе: Освобожденіе Пушкина. — Влияние столичной струи. — Разладъ съ обществомъ. — Эзотерическое настроение поэзіи Пушкина. — Содержаніе и значеніе стихотвореній: *Пророкъ (1826), Поэтъ (1827), Воспоминаніе (1828), Черно (1828), Броузу ли я зѣль улицъ шумныхъ (1829), Три клона (1827), Монастырь изъ Казбека (1829). Общее содержаніе поэмы Полтава (1828).*

17

5. Пушкинъ (1830—1833).

Содержаніе: Усиленная дѣятельность Пушкина въ Нижегородской губ., въ деревне Ваддено. Оконтактіе Елагія Охлопкова. Содержаніе и значеніе драматическихъ сценъ: *Соколъ рыцарь (1830) и Монокрикъ и Салмеры (1830) и стихотвореній: Осень (1830), Блескъ (1830), Эхо (1831), Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума (1833) и Безумныхъ льтья чистое веселье (1830). Женитьба Пушкина и подготовка къ историческому труду.*

21

6. Пушкинъ (1833—1837).

Содержание: Преобладающее направление въ литературной деятельности Пушкина въ этотъ периодъ времени. Краткое содержание *Медного всадника* и *Капитанской дочери*. Народные сказки. История Пугачевского бунта, журналь *Современникъ*. Дуаль и смерть Пушкина. Содержание и значение стихотворений: *Полководца*, *Моисея Кутузова*, «Венокъ къ посмѣшию», *Молитва въ Памятнике*.

7. Пушкинъ. (Продолжение).

Содержание: Разборъ поэмы: *Казакъ и пленница*, *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыпленъ*.—Общее замѣчаніе о нихъ сравнительно съ *Русланомъ* и *Людмилой*.—Содержание, идеи.—Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ.—Достоинства и недостатки этихъ поэз.

8. Пушкинъ. (Продолжение).

Содержание: Разборъ *Белкина Охотника*.—Краткое содержаніе каждой главы романа.—Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ.—Художественное и общественное значеніе этого романа.

9. Пушкинъ. (Продолжение).

Содержание: Разборъ *Полтавы*. Содержаніе. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Тонъ поэтизованія. Слогъ и стихъ.

10. Пушкинъ. (Продолжение).

Содержание: Разборъ поэстей: *Медный всадникъ* и *Капитанской дочки*.—Содержаніе.—Главные части.—Основная мысль сочиненій.—Характеристика дѣйствующихъ лицъ.—Историческое и поэтическое значеніе этихъ поэстей.—Языкъ.

11. Пушкинъ. (Окончаніе).

Содержание: Разборъ *Бориса Годунова*.—Содержаніе драмы и ея главныя части.—Основная идея сочиненій.—Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Годунова и Салтыкова.—Характеристика лицъ второстепенныхъ: Марфы, Шуйского и Плещея.—Языкъ драмы.

Въ книжномъ складѣ Д. Д. Полубогрикова (С.-Петербургъ, Шпалерная, 26) продаются слѣдующія книги для учениковъ городскихъ училищъ:

1) П. ПОЛЕВОЙ. Учебникъ по Русской Исторіи въ очеркахъ и биографіяхъ, съ картами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.

2) П. ПОЛЕВОЙ: а) Учебникъ Русская Христоматія съ толкованіемъ, въ трехъ частяхъ: 1-я часть—50 к., 2-я часть—70 к. и 3-я часть—70 к. и б) Методическая Русская Грамматика. Ц. 40 коп.

3) Прогр. В. ПЕВЦОВЪ: а) Ивангельские разсказы, съ большими подлинностными рисунками въ текстѣ. Ц. 30 к. б) Священная Исторія Ветхаго Завѣти, съ картинами и картинами въ текстѣ. Ц. 50 к. и в) Священная Исторія Нового Завѣти, съ картинами и картинами въ текстѣ. Ц. 40 к.

4) А. ПАВЛОВЪ. Городская Школа. Книга для письменного чтенія, съ иллюстрациями для изученія упражненій и съ картинами въ текстѣ, пригодная для обучения родному языку въ городскихъ училищахъ, въ 4-хъ частяхъ: а) Часть первая — Первый годъ обученія. Ц. 30 к. б) Часть вторая — Второй годъ обученія. Ц. 45 к. в) Часть третья — Третий и четвертый годъ обученія. Ц. 75 к. и г) Часть четвертая — Четвертый и шестой годъ обученія въ городскихъ училищахъ. Ц. 75 коп.

5) А. ПАВЛОВЪ. Биографіи русскихъ образованыхъ писателей, съ портретами. Учебное пособіе для городскихъ училищъ. Ц. 30 к.

6) А. КУНДЕЗИЧЪ. Учебникъ Арифметики. Ц. 40 коп.

7) А. ВАРАНОВЪ: а) Илья Родзѣвъ. Русский и персидско-славянскій букварь и книга для чтенія въ трехъ частяхъ: Первый годъ обученія — ц. 30 к., второй годъ — д. 40 к. и третій годъ — д. 60 к. и б) Книга для чтенія, пригодная для обучения родному языку во 2-3 и 3-4 годъ обученія. Ц. 45 к.

8) Н. ВУНАКОВЪ: а) Русская и персидско-славянская Азбука. Ц. 25 к. б) «Персидина», первая послѣ «Азбуки» книга для чтенія. Ц. 15 к. в) Книга для чтенія «Въ школѣ въ дома», пригодная для обучения родному языку въ народныхъ школахъ. Часть 2-го года обучения. Ц. 40 к. д) Вторая часть — курсъ 3-го года обучения. Ц. 60 к. и г) Грамматические и орографические упражненія въ начальной народной школѣ. Ц. 15 к.

9) Н. ВУНАКОВЪ: а) Въ школѣ въ дома, часть III. Христоматія для городскихъ училищъ. Ц. 75 к. и б) Учебникъ Русской грамматики для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.

10) А. ГОЛЬДЕНВИРГЪ. Сборникъ задачъ и примеровъ для обучения начальной Арифметикѣ, въ двухъ выпускахъ: Выпускъ I — Задачи и примеры на числа: первая сотня и на простіи дроби. Ц. 15 к. Выпускъ II — Задачи и примеры на числа любой величины. Ц. 15 к.

11) А. ВОРОНОВЪ: а) Руководство практической Арифметики. Ц. 75 к. и б) Сборникъ практическіихъ задачъ, въ двухъ частяхъ: 1-я часть (цѣнныхъ чиселъ). Ц. 30 к. и 2-я часть (дроби). Ц. 30 к.

12) В. ЕВГУШЕВСКІЙ. Сборникъ практическіихъ задачъ и числовенныхъ примеровъ въ двухъ частяхъ: Первая часть — 1-3 земли части. Ц. 35 к. Вторая часть — Дроби. Ц. 40 к.

13) А. ВАРАНОВЪ. Географія Россійской Имперіи, съ картами и рисунками въ текстѣ. Курсъ городскихъ и уездныхъ училищъ. Ц. 30 к.

14) И. МИХАЙЛОВЪ. Краткая Отечественная Географія. Руководство для городскихъ училищъ. Въ текстѣ этой книги вложено 33 рисунка, 21 географ. карта, 4 плана важайшихъ городовъ и большая карта Европы Россіи. Ц. 60 к.

15) А. ВОРОНЕЦКІЙ: а) Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картинами въ текстѣ, въ трехъ курсахъ: Курсъ первый — Общий обзоръ земного шара. Ц. 45 к. Курсъ второй — Вѣтровѣдѣние странъ. Ц. 45 к. в) Курсъ третій — Европа. Ц. 45 к. и б) Иллюстрированный Учебникъ Географическая Хрестоматія въ трехъ частяхъ: Часть первая — Общий обзоръ земного шара. Ц. 1 р. 35 к. Часть вторая — Вѣтровѣдѣние странъ. Ц. 2 р. и Часть третья — Европа. Ц. 1 р. 65 к.

16) М. ВОЛЫНСКІЙ: а) Сборникъ статей образованыхъ писателей для классового и домашнаго чтенія. Ц. 75 к. и б) Этимологія русскаго языка въ таблицахъ. — Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ. Ц. 30 к.

17) В. ГЕРВАЧЪ: а) Правилъ русскій. Ц. 40 к. б) Правило письма. Новые русскіе правила. Ц. 10 к. в) Правила правописанія. Сборникъ каллиграфическихъ исполненійъ премѣровъ за всѣмѣстную орографическую працю. Ц. 20 к. г) Сборникъ. Упражненія для развития свободнаго движенія руки въ приобрѣтеніи чистой орографии. Ц. 50 к. и д) Русскія правила круглого шрифта. Ц. 45 к.

18) И. ПЛЕТЕНѢВЪ: а) Учебникъ Всеобщей Географіи для городскихъ училищъ. Курсъ 4-го года обучения. Ц. 60 к. б) Учебникъ Географіи для городскихъ училищъ. Курсъ 3-го и 4-го года обучения. Ц. 50 к. в) Порядкательное изученіе литературныхъ произведенийъ и г) Учебникъ грамматики русскаго языка для городскихъ училищъ.

19) В. СИНОВСКІЙ. «Родная Старина». Отечественная история въ рассказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Шіна военного министерства 6 р.

20) И. ПІВДЕНКОВЪ. Новый систематический заданий самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанию, съ приложениемъ повторительныхъ диктантовъ: Годъ первый — ц. 15 к. Годъ второй и третій — ц. 35 к.

21) И. ЯХОНТОВЪ. Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку, въ двухъ выпускахъ: Выпускъ первый — курсъ 1-го и 2-го года обучения. Ц. 25 к. Выпускъ второй — курсъ 3-го года обучения. Ц. 30 к.

22) А. ГЕРДЪ. Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Ц. 80 к.

23) Прогр. Д. СОКОЛОВЪ: а) Начальное письмопись по Православной Христіанской эпохѣ. Ц. 20 к. б) Малютка, Занозыда и Суворъ кѣры. Ц. 10 к. и г) Учебникъ о Богомуженіи Православной Церкви. Ц. 40 к.

Въ звикою складъ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ. Шпалерная, 26)
предлагается следующія книги для средн. учебн. заведеній:

- 1) А. ШУЛЬЦЪ: а) Иллюстрированная именная азбука для обучения детей въ школѣ
и дома. Ц. 45 коп. б) О первоначальномъ преподаваніи именного языка по книгѣ того же
автора: «Иллюстрированная именная азбука для обучения детей въ школѣ и дома». Ц. 15 коп.
в) Новый практическій элементарный курсъ именного языка для среднихъ учебныхъ
заведеній и для домашнаго обучения. въ 2-хъ книжкахъ: 1-ый годъ обучения п. 60 коп., 2-ой годъ
обучения—60 коп. г) Краткія заметки о преподаваніи именного языка по книгамъ того
же автора: «Новый практическій элементарный курсъ именного языка». Цѣна 20 коп.
- 2) П. ПОЛЕВОЙ: а) Русская Исторія для среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами и
текстомъ. Курсъ систематический. Ц. 1 р. 25 к. и б) Русская Исторія, съ портретами и картами и
текстомъ. Курсъ элементарный. Ц. 50 к.
- 3) П. ПОЛЕВОЙ. Учебная Русская Хрестоматія съ толкованіемъ, въ трехъ частяхъ:
1-я часть—50 к., 2-я часть—70 к. и 3-я часть—75 к. и б) Методическая Русская Грамма-
тика. Ц. 40 к.
- 4) П. ПОЛЕВОЙ. Исторія Русской литературы изъ очеркъ и биографікъ, съ боль-
шою количествомъ письменныхъ рисунковъ, ложбинающихъ въ текстѣ. Цѣна за обѣ
частіи 5 р.
- 5) М. ВОЛЬШЕРЪ: а) Сборникъ етаповъ образованія цивилизаций для плюсного и до-
 машнаго чтенія. Ц. 75 коп. б) Этимологія русского языка въ таблицахъ.—Необходимое до-
полнение къ учебникамъ по русской грамматикѣ. Ц. 30 коп.
- 6) А. БАРАНОВЪ и Н. ГОРЯЧЕНЪ. Географія Россійской Имперіи, съ картами и
дополнительными и спрашивающими схемами. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р.
- 7) А. ВОРОНЕЦКІЙ: а) Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картиками и
текстомъ, въ трехъ курсахъ: Курсъ первого—Общий обзоръ земного шара. Ц. 45 к. Курсъ второго—
Евр.-европейскія страны. Ц. 45 к. въ 3-мъ Курсъ третій—Европа. Ц. 45 к. въ б) Иллюстрированная
Учебная Географическая Хрестоматія, въ трехъ частяхъ: Часть первая—Общий обзоръ зем-
ного шара. Ц. 1 р. 35 к. Часть вторая—Евр.-европейскія страны. Ц. 2 р. въ Часть третья—
Европа. Ц. 1 р. 65 к. въ б) Учебникъ географіи Россійской имперіи. Курсъ сред. учеб. завед.
Ц. 80 коп.
- 8) В. ЕВТУШЕНСКІЙ. Сборникъ арифметическихъ задачъ и числовыхъ прикладовъ
въ двухъ частяхъ: Первая часть—Цѣли и числа. Ц. 35 к. Вторая часть—Дроби. Ц. 40 к.
- 9) А. ВОРОНОВЪ: а) Руководство Практической Арифметики. Ц. 75 к. въ б) Сборникъ
арифметическихъ задачъ, въ двухъ частяхъ: 1-я часть (съзывъ чиселъ). Ц. 30 к. въ 2-я часть
(дроби). Ц. 30 к.
- 10) П. ЕГОГАФЕНЪ: а) Исторія Русской литературы. Ц. 1 р. 60 к. въ б) Дневникъ Русская
литература въ двухъ выпускахъ. Ц. 1-го выпуска 30 к., въ 2-го—75 к.
- 11) И. ИГНАТОВИЧЪ: а) Французская Азбука по аналитической системѣ. Ц. 60 к.
б) Концентрическій Учебникъ Французского языка сравнительно съ русскимъ и английскимъ,
въ 3-хъ частяхъ: 1-я часть—п. 50 к., 2-я часть—п. 60 к. въ 3-я часть—п. 1 р. 25 к. и въ б) Фран-
цузские классики и сработки для чтенія изъ учебникахъ заведеній, въ воссоки выслушивать.
- 12) А. РАНСИ: а) Французская азбука. Ц. 30 к. въ б) Практический учебникъ Француз-
ского языка для начальныхъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. 25 к.
- 13) Прот. И. ПІВЦОВЪ: а) Священная Исторія Ветхаго Завѣта, съ картами и картами
изъ текста. Ц. 50 к. б) Священная Исторія Нового Завѣта, съ картами и картами изъ
текста. Ц. 40 к. въ въ Евангельские разсказы. Съ картами изъ текста. Ц. 30 к.
- 14) Прот. Л. СОКОЛОВЪ: а) Начальное наставление въ Православной Христіанской
церкви. Ц. 20 к. б) Молитвы, Заповѣти и Символъ вѣры. Ц. 10 к. въ Священная Исторія
Ветхаго и Нового Завѣта, по 30 к. г) Ученіе о Богочеловечествѣ. Ц. 40 к.
- 15) А. ДМИТРИЕВЪ: а) Собрание Геометрическихъ Задачъ въ двухъ частяхъ: книга I—
Планиметрия. Ц. 70 к. книга II—Стереометрия. Ц. 50 к. въ б) Начальные основы Практи-
ческой Тригонометрии. Ц. 75 к.
- 16) Проф. Э. БРАНДТЬ. Начальные сбѣдствія изъ Естественной исторіи, въ четырехъ
выпускахъ. Руководство для реальныхъ учащихъ. Цѣна первого выпуска 1 р., второго—1 р. 10 к.
третьего—1 р. 40 к. въ четвертому—10 к.
- 17) А. ГЕРДЬ. Руководство Минералогіи для реальныхъ учениковъ. Ц. 1 р. 50 к.
- 18) В. ГЕРБАЧЪ: а) Прописи Русскія. Ц. 40 к. б) Прописи Французскія въ Имперіи.
Ц. 35 к. въ въ Прописи Латинскія въ Греческія. Ц. 30 к. г) Правомое письмо. Новые русскія
прописи. Ц. 10 коп. д) Прописи практическія. Сборникъ математическихъ исполнительныхъ
прикладовъ на различнія ортографическія правила. Ц. 20 коп. е) Скоропись. Упражненія для
развитія свободнаго движенья руки и приобрѣтенія чистой скорописи. Ц. 50 коп. въ ж) Русскія
прописи круглого шрифта. Ц. 40 коп.
- 19) В. СИПОВСКІЙ. «Родная Старина». Отечественная история изъ рассказовъ, въ трехъ
выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полного экземпляра 6 руб.
- 20) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) Изображение Сибири и средне-азиатскихъ владѣній Россіи.
Этнографический очеркъ. Ц. 1 р. б) Сборникъ поэтическихъ произведений. Ц. 45 к. въ въ Мысли
и чувства. Ц. 40 к. г) Теорія словесности. Ц. 75 к.
- 21) А. ГОЛДЕНБЕРГЪ. Сборникъ задачъ и прикладовъ для обучения начальной Ари-
фметикѣ, въ двухъ выпускахъ: Выпускъ I—Задачи и примеры на числа первой сотни и на про-
стейшія дроби. Ц. 15 к. Выпускъ II—Задачи и примеры на числа любой величины. Ц. 15 к.